НЕФТЬ. НОВЫЕ НАЧИНАНИЯ

Шашина мудрость, кипенье Оруджева, Битвы Щербины, бои Кортунова, Предвосхищали прорывы Баталина, Неповторимые стройки Чирскова, В жизнь устремив всеохватность Динкова.

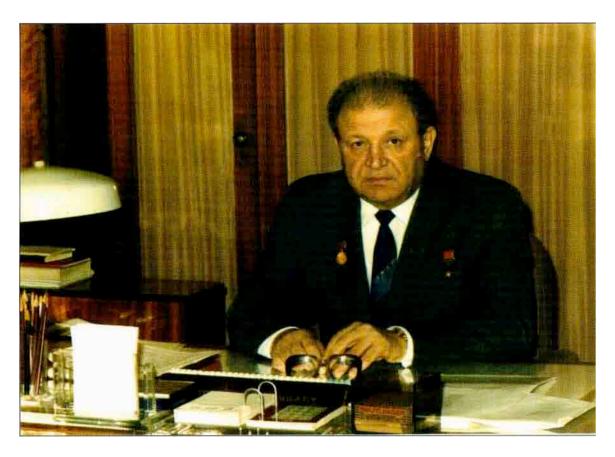
М.Н. Гайказов

Для министра газовой промышленности СССР Василия Александровича Динкова телефонный звонок секретаря ЦК по промышленности Владимира Ивановича Долгих в начале февраля 1985 года не был чем-то неожиданным. Отрасль отлично закончила минувший 1984 год по всем показателям темпов прироста запасов и добычи природного газа, так что телефонные поздравления руководителей высокой партийной инстанции были в порядке вещей. И даже то, что его приглашали на Старую площадь, не могло предвещать что-либо неожиданное. И всё же, то, что он услышал от хозяина кабинета после небольшого было вступления, ДЛЯ него полнейшей ожиданностью: «Как Вы относитесь к тому, чтобы возглавить Министерство нефтяной промышленности CCCP (?!)».

Он без колебаний ответил так, как ответил бы любой другой на его месте ответственный руководитель, специалист и профессионал, владеющий глубокими знаниями и пользующийся заслуженно высоким авторитетом в отрасли, которой отдал тридцать лет беспрерывного и высоко оцененного труда: «Не вижу в этом необходимости. Было бы неразумно мне газовику на шестьдесят первом году жизни, по

всем понятиям не в возрасте новых серьезных начинаний, сменить профессию, оставить отлаженную работу и возглавить новое для меня, ответственное дело...».

Далее, по воспоминаниям В.А. Динкова, события стали развиваться с калейдоскопической быстротой. По внутреннему телефону В.И. Долгих позвонил Михаилу Сергеевичу Горбачеву, который немедленно пригласил к себе обоих. В феврале 1985 года М.С. Горбачев ещё не был Генеральным секретарем ЦК КПСС. Это произойдет через несколько недель на мартовском Пленуме ЦК. Тем не менее, он был общепризнанно вторым лицом в партийной иерархии и вел Секретариат ЦК КПСС, а в К.У. отсутствии часто болевшего Черненко. председательствовал на заседаниях Политбюро. К тому же он был главным координатором деятельности Аппарата. Так что переговоры с В.А. Динковым вела высшая власть страны. Горбачев тепло приветствовал Динкова, напомнив о постоянном соперничестве соседей — краснодарцев и ставропольцев в 1960е годы за первенство в РСФСР по добыче газа, о давнем знакомстве с начальником Главгаздобычи Мингазпрома и заместителем министра газовой промышленности СССР В.А. Динковым, когда на Ставрополье совместно решались конкретные проблемы газовой отрасли и даже об имевшем место личном вмешательстве Динкова по оказанию своевременной помощи Ставрополью в суровую зиму 1978—1979 годов.... Услышав от В.И. Долгих о несогласии Динкова с предложением возглавить Миннефтепром, М.С. Горбачев со своей стороны обрисовал усложнившуюся в отрасли ситуацию, выразил единодушное положительное мнение членов Политбюро и свое личное отношение к его кандидатуре... Разговор затягивался. Ожидаемого согласия рекомендуемого не последовало. И тогда был использован последний аргумент. Партийный. Решение партийной инстанции — закон для членов партии... Как впоследствии вспоминал Василий Александрович, это были минуты тягостных раздумий. Как быть? Около сорока лет назад он в порыве молодости избежал исполнения предписания краснодарских партийных руководителей, не стал аграрником и нашел свое инженерное призвание. Но можно ли дважды, в одну реку?! А как же тогда с чувствами высокой ответственности гражданина и патриота своей страны, которая устами её первых руководителей обращается за помощью? Эти раздумья предопредели -

Герой Социалистического Труда министр нефтяной промышленности СССР Василий Александрович Динков. Москва, 13 февраля 1985 г.

ли его окончательное решение. И 13 февраля 1985 года он возглавил крупнейшее в мире промышленное производство, испытывающее сложности, — Министерство нефтяной промышленности СССР.

Много лет спустя, в 12-м номере журнала «Газовая промышленность» за 1994 год был опубликован ответ Василия Александровича на вопрос журналиста в день своего 70-летия, — «насколько роль нефтяного министра была для Вас неожиданной?». Василий Александрович ответил дословно: «Я раньше никогда не соотносил себя с нефтяной промышленностью, но речь шла о выводе отрасли из кризиса. Что говорить, газовая промышленность, будучи значительно моложе нефтяной, ушла далеко вперед и по организации работы и по исполнению при-

148

нимаемых решений. В нефтяной я столкнулся с застывшими традициями, которые мешали развитию отрасли. Начинался развал ряда организационных структур. На промыслах, добывающих предприятиях практически отсутствовали геологические службы, в простое находилось 27 тыс. скважин. Пришлось многое восстанавливать и реанимировать. Вскоре удалось ввести в действие часть их. Сравнивая нефтяную промышленность с газовой, я видел огромную разницу в их дееспособности. Несомненно, нефтяникам нужен был опыт газовиков. Для того я посылал специалистов-нефтяников на компрессорные станции Газпрома, чтобы они могли ознакомиться с организацией ремонта оборудования, эксплуатацией энергохозяйства. Надо сказать, они не предполагали насколько далеко отстали от газовиков в культуре производства.»

Но в день нового назначения ему предстояло ещё одно испытание. Прежде чем приступить к исполнению новых обязанностей, он должен был принять их от предшественника. В.А. Динков вспоминал, как в высшей степени достойно, в эмоционально сложной атмосфере в тот тягостный день, вел себя Николай Алексеевич Мальцев. У них состоялся разговор. «Будет тяжело, — произнес, прощаясь, бывший министр, — ситуация в отрасли аховая.»

Следует отметить, что Н.А. Мальцев вел себя достойно по отношению к Василию Александровичу Динкову и к памяти о нем до последних дней своей жизни. В самые горестные для c(n) мьи Динковых мгновения он одним из первых позвонил и выразил семье искренние соболезнования, извинившись за невозможность личного присутствия — послеоперационный период с ещё не снятыми повязками. И первое, что сделал, несколько оправившись, посетил место его вечного покоя. Иное воспитание. Оно исповедует иные ценности.

Решением той же высшей инстанции, о котором ставший бывшим министр Н.А. Мальцев узнал из телевизионного сообщения, он в одночасье был отправлен на пенсию. В возрасте 57 лет. Случай беспрецедентный. В мировой практике нечто подобное имело место дважды, когда в неполные 60 лет на пенсию отбывали наиболее значительные личности в руководстве нефтяной промышленностью. Первый случай произошел за 88 лет до этого в США, второй — 20 месяцев спустя в Саудовской Аравии. В первом случае, сославшись на самочувствие, по

личному желанию, в возрасте 58 лет отошел от деятельности в созданном им нефтяном деле, сохранив в нем авторитет, влияние и капиталы, отец американского «Ойльдорадо» Джон Рокфеллер (и прожил почти до 98-летнего возраста). Второй случай произошел с полным энергии министром нефти Саудовской Аравии Ахмедом Заки Ямани. У него, пребывавшего дома в отличном расположении духа за дружеским ужином, позвонил телефон, и неизвестный голос предложил включить телевизор. Ведущий телевизионных новостей бесстрастным голосом сообщал на весь мир о том, что он освобожден от занимаемой должности министра нефти Саудовской Аравии. Через 24 года непрестанной деятельности. Не вдаваясь в мотивы решений саудовского короля и Д. Рокфеллера, можно не сомневаться, что бывший министр нефти Саудовской Аравии, как и потомки Рокфеллера и сегодня полны здоровья и пребывают в отличном расположении духа. Николай Алексеевич Мальцев не был ни «Рокфеллером», ни «саудитом». Не могли быть и не стали таковыми, за редчайшими исключениями, сотни его известных и безвестных коллег. Их скромная жизнь, невостребованные знания, а по истечении отведенного жизни времени и судьба, достигших почтенного возраста членов их семей до последних дней жизни волновали и волнуют разве что близких друзей и коллег, независимо от удачливости постигшей их судьбы оставшихся верными неписанным законам корпоративной солидарности нефтяников — нефтяному братству. Не хотелось бы думать, что не так уж далеки от нефтяников их младшие братья — газовики.

Но первые тревожные оценки перспектив нефтяной промышленности прозвучали в 1977 году, когда Центральное разведывательное управление США подготовило свой знаменитый доклад с анализом состояния и перспектив развития нефтяной промышленности СССР. В нем утверждалось, что добыча нефти в нашей стране достигнет своего пика не позже начала 1980-х годов и, что в 1990-е годы СССР вынужден будет нефть импортировать. Доклад появился через пару лет после впечатляющего выхода СССР на первое место в мире по добыче нефти в 1975 году, и у большинства аналитиков в мире вызвал резко критическое отношение. (Добыча в 1975 году, в СССР составила 490,8, в США — 417 и в Саудовской Аравии — 415 млн т.)

Однако нашим самым впечатляющим «ответом лорду Керзону», точнее американским оценкам, как об этом со ссылкой на шведскую консалтинговую фирму «ПетроСтади» сообщил американский еженедельник «Ойл энд Газ Джорнэл» в номере от 15 декабря 1980 года, указав на заимствование этой информации Французским нефтепромышленным бюллетенем и международными СМИ, было заявление о том, что, мол «Западная Сибирь буквально плавает в море нефти» и что «...умышленная дезинформация — один из излюбленных приемов ЦРУ». В подтверждение этого тезиса, — как продолжает журнал, — в на-1980-x ГОДОВ было объявлено, ЧТО открыто запасы которого многократно месторождение. превышают суммарные мировые запасы нефти и оцениваются порядка в 600 млрд т (4,5 трлн баррелей). Впечатление от этой информации настолько сильным, ЧТО ДО eë официального опровержения она успела потрясти инвестиционные институты и на Американской фондовой бирже вызвать обрушение акций нефтяных компаний. Вскоре выяснилось, что речь идет об открытом во второй половине 1960-х годов в 275 км западнее Самотлора Салымском месторождении, расположенном на огромном, площадью 1,2 млн км², месторождении Баженовских битуминозных сланцев (феноменальный геологических метаморфоз), освоение которых на то время упиралось в экономическую целесообразность.

Следует отметить, что помимо ЦРУ свое неослабное внимание к состоянию нефтяной промышленности и особенно к запасам нефти в нашей стране наращивали и военная разведка США, и английские специалисты в этой деликатной области. В их сознании, воспаленном уже своей идеологией, возникали и взаимоисключающие версии в оценках. И лишь в одном были едины авторы — валютная выручка от экспорта нефти делает ВПК СССР еще более опасным, а потому задача первостепенной важности знать насколько поток нефтедолларов долговечен. Естественно, что подобный интерес вызывал соответствующую реакцию властей по эту сторону границы, и уже задолго до начала послевоенного экспорта нефти в капиталистические страны все сведения о ресурсных запасах нефти в стране были надежно засекречены. Нашим же ответом «уничижительным» оценкам зарубежных спецслужб, по всем законам жанра была всемерная мобилизация ресурсов на повышение добычи

нефти. Причем помимо политики, дополнительная нефть была жизненно необходима для расчетов с зарубежными поставщиками неослабевающего потока импортной пшеницы (в одном лишь 1980 году 42 млн т). Основным же источником долларов на покрытие расходов был все тот же экспорт нефти.

Во всю мощь заработал Самотлор. Извлекаемые запасы этой жемчужины ошеломляющих нефтяных месторождений, открытых в 1960-е годы в Западной Сибири, превысили 2 млрд т. В 1977 году добыча здесь составила 130 млн т и, неуклонно увеличиваясь, в 1980 году достигла своего пика, превысив 150 млн т, что составило четвертую часть всей союзной добычи нефти. Эта щедрая чаша, плод высочайшего достижения несомненно выдающейся отечественной геологической науки, за 16 лет была жадно испита на 3/4 и к 1985 году суммарная добыча всеми возможными средствами на Самотлоре составила 1,5 млрд т. Супергигант, к редкому ряду которых по праву был причислен Самотлор, требовал к себе щадящего, всесторонне продуманного режима обхождения.

А в технологии наступившей глубинно-насосной добычи нефти огромного фонда наклонно направленных скважин, как отмечает в своей изданной в 2002 году книге «Центраторы» доктор технических наук Юрий Владимирович Пчелинцев, был крайне необходим технический прорыв... Это была задача наивысшей сложности, реализация которой требовала множества мер и, не в последнюю очередь, достойного финансирования.

По американским оценкам, с 1976 по 1983 годы инвестиции в отрасль были удвоены, достигнув 13 % общенациональных капиталовложений в экономику (около 11 млрд долларов). (По нашим сведениям капиталовложения в отрасль в 1976— 1980 годы составили 25,2720 млрд руб., а в XII пятилетке с 1986 по 1990 годы возросли в 3 раза, достигнув 76,8718 млрд руб.). Увеличился и экспорт нефти (около 110 млн т в страны СЭВ и 60 млн т в капиталистические страны). Критика в адрес авторов пресловутого доклада возрастала по мере ежегодного роста добычи нефти в СССР до 1980 года в среднем на 20 млн т, достигая в отдельные годы роста на 26 млн т. В 1980 году добыча перешагнула 600-миллионный рубеж:, составив 603,2 млн т. Вместе с тем стало уменьшаться значение абсолютного ежегодного прироста добычи при явном сокращении извлекаемых за-

пасов нефти. По оценкам авторов доклада эти запасы уменьшились от 10,7 млрд т в 1976 году до 8,6 млрд т в 1980 году. (Зарубежная статистика следующего десятилетия оценивала и продолжает оценивать их неизменными 6,7 млрд т.) Однако добыча продолжала расти, достигнув в 1981 году 609, 1982 году 613 и в 1983 году 616,3 млн т. Это был результат чрезвычайных мер, предпринятых по увеличению бурения эксплуатационных скважин на введенных в разработку около двух десятков новых нефтяных месторождений, тогда как, по свидетельству Р. Маганова, А. Галустова и Г. Вахитова, на прежних, уже эксплуатировавшихся, простаивали тысячи пробуренных скважин из-за нехватки материально-технических средств. Пресс верховодящей требовательности неизменно возрастал. По зарубежным оценкам желанная выручка от экспорта лишь нефти в 1983 году составила 23 млрд долларов. И это был предел. Министерство исчерпало руководящий ресурс, организационный и технологический. Особенно явственно это ощущалось в применявшихся методах увеличения добычи нефти. Требовался их существенный пересмотр. Это ощущалось всеми отраслевыми подразделениями Миннефтепрома.

Люди работали на пределе возможного. Знать бы им, этим, без преувеличения героическим труженикам, что расходы нефтяных компаний на территории США лишь в разведочное, эксплуатационное бурение и, что особенно важно, в добычу уступающего нам объема нефти в одном лишь 1981 году выросли почти до 50 млрд долларов (49 709 млн, включая 3300 млн на приобретение лицензий), а суммарные расходы по указанным статьям за три года с 1979 по 1981 года составили 122 588 млн долларов. Специалисту нетрудно догадаться, что эти суммы означают достаточное количество усовершенствованного оборудования и приборов, современные материалы, технологии и, наконец, конкурентную прибыль для самих нефтяников. Достаточно сказать, что число находившихся в эксплуатации в 1981 году в СШЛ буровых установок составило более 3400 единиц (число буровых установок в 1982 году в Миннефтепроме, Мингео и Мингазпроме соответственно оценивалось в 1400— 1500, 750 и 300 единиц), добыча же нефти едва превысила 426 млн т, на 183 млн т меньше, чем в СССР. И хотя американцы уступали нам в добыче, но при среднегодовой цене на Ньюйоркской товарной бирже тонны добытой в США нефти,

равной 264,5 долларов, нефтепромышленники США, даже с учетом дополнительных расходов на транспорт, маркетинг и другое, могли быть довольны финансовыми результатами года. Что же касается нас, то мы лишний раз подтвердили неоспоримость преимуществ отечественной геологической школы, и пока ещё успешно отчитались результатом предельного напряжения сил. Не вызывает сомнения, что приведенные данные американской статистики были за пределами дозволенного использования Миннефтепромом в экономических аргументациях. А тем временем тревога с мест дошла и до высшей власти. Первый сбой произошел в 1984 году, когда после непрерывного сорокалетнего роста с победного 1945 года добыча нефти впервые упала и разница составила более б млн т — 609,7 млн т против 616,3 в предшествующем году. При тогдашних высоких мировых ценах на твердовалютном рынке (средняя годовая цена барреля сорта «Брент» составляла 28,66 долларов и с учетом скидок тонна советской экспортной смеси «Юралс» в среднем стоила порядка 200 долларов, а в отдельных сделках приближалась к 230 долларов) это означало потерю вероятной валютной выручки в сумме порядка 1,2 млрд долларов. Власти было о чем беспокоиться.

Новая стезя Василия Александровича Динкова, новые высокие требования руководства страны не оставляли ему времени на раскачку. Глубокому осмыслению всего происходящего в ТЭКе руководства газовой помогал огромный ОПЫТ ленностью страны, о чем приятно напомнил срочный вызов в Президиум Верховного Совета СССР. Это произошло буквально через две недели после начала работы в Миннефтепроме, и повод был более чем торжественный. Председатель Президиума Верховного Совета СССР Василий Васильевич Кузнецов вручил ему Звезду Героя Социалистического Труда, и памятная фотография с группой награжденных, очень узнаваемых деятелей искусства и науки запечатлела торжественную церемонию на всю жизнь. Водитель автомашины Василия Александровича был удивлен, когда, выйдя из Кремля, В.А. Динков назвал адрес следования. Но здесь предоставим слово Елене Дмитриевне **Подгорновой,** секретарю руководства Мингазпрома. «В конце одного из рабочих дней во второй половине февраля 1985 года неожиданно открывается дверь и в приемной появляется Василий Александрович. Оглядев присутствующих, он взволнован-

Вручение Звезды Героя Социалистического Труда и ордена Ленина за заслуги в области развития газовой промышленности СССР. На снимке Председатель Президиума Верховного Совета СССР В.В. Кузнецов вручает В.А. Динкову высшие правительственные награды. Москва, Кремль, февраль 1985 г.

но произнес: «За наш общий труд мне только что вручили Звезду Героя Социалистического Труда и орден Ленина. Огромное вам всем спасибо. Я заехал, чтобы разделить эту радость с вами». Сказал и отправился в Миннефтепром.»

Награда более чем обязывала, а о решимости высшего руководства страны добиваться неукоснительного выполнения планов всевозрастающей добычи нефти напоминали свежие впечатления от судьбы его предшественника. Все требования с высоких трибун, обращенные в первую очередь к сидящим в президиуме руководителям отрасли и ко всей миллионной армии нефтяников, в конечном итоге сводились к лаконичному и твердо сформулированному лозунгу — «Больше нефти!».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов среди награжденных представителей промышленности, науки и искусства страны. На снимке в первом ряду сидит, третий слева, В. А. Динков. Москва, Кремль, февраль 1985 г.

Торжественное заседание в Кремлевском Дворце съездов по случаю Дня работников нефтяной и газовой промышленности. Москва, Кремль, сентябрь 1986 г.

А требовалось больше еще и потому, что после опьяняющих цен мирового рынка в предшествующие годы, в 1986 году они упали почти втрое, до 10—12 долларов за баррель, что было следствием появления на рынке значительных объемов североморской и аляскинской нефти. Достижение же требуемого уровня добычи в стране было возможно ЛИШЬ при условии оснащения промышленности самыми современными, TOMY же дорогостоящими, средствами мировой нефтяной науки и техники в геологии, геофизике, добыче, приборостроении.

Один из старейших нефтяников страны, председатель Совета пенсионеров-ветеранов войны и труда, человек с насыщенной свершениями судьбой неутомимого труженика, Тофик фатуллаевич Рустамбеков вспоминал в беседе о смешанных чувствах, которые вызвала у него, как и почти у всех ветеранов отрасли, новость назначении министром нефтяной промышленности бывшего министра газовой промышленности, с которым по работе встречаться ему не приходилось. «Пойми, подчеркивал уважаемый агсаккал, — нефтяники народ непростой и всегда очень ревностно защищали корпоративные интересы. И вдруг, как снег на голову, решение ЦК, из которого стало ясно, что нефтяниками будет руководить газовик...(?!). Было над чем задуматься. Честно признаться, — продолжал мой любезный собеседник, — на первое заседание Коллегии с новым министром я, и не один я, шел с тяжелыми чувствами. И я был приятно удивлен, когда с первых реплик основному докладчику — профессиональному нефтянику, с первых замечаний по существу обсуждавшегося специфически «нефтяного» вопроса, стало ясно, что министр вопросом владеет. Более того, способен даже кое-кого кое-чему и научить в «не своей» профессии. На душе стало легко. По-моему вздох облегчения ощутили все присутствующие, поняв, что, как минимум, нефтяники не в проигрыше. Последующие же конкретные шаги по руководству отраслью и её вызволению из прорыва подняли авторитет Василия Александровича Динкова на высоту, достойную не только его положению, но и его знаниям», — закончил нашу беседу Тофик Фатуллаевич, плоть от плоти нефтяного Баку и нефтяной Татарии, нефтяник во втором поколении с многозначительной для истории нефтяной промышленности страны фамилией Рустамбеков, знакомство с которой — высокая честь для автора $(M.\Gamma.)$.

Вместе с министром в Миннефтепроме были заменены заместители министра и некоторые начальники Главных управлений. Первыми заместителями были назначены Владимир Юрьевич Филановский и Валерий Иванович Игревский, заместителями министра Ш.С. Донгарян, А.В. Валиханов, В.И. Грайфер, Г.С. Попов, Н.И. Кархалев, А.Д. Быков, С.В. Топлов, В.М. Юдин. Этот штаб ближайших помощников-единомышленников нового министра, который в 1988 году пополнился первым замминистра Л.И. Филимоновым, представлял коллектив высококомпетентных профессионалов. И вместе с тем «первым среди первых» мы позволили себе выделить Владимира Юрьевича Филановского-Зенкова и убеждены, что это никоим образом не прозвучит диссонансом в сложившемся отношении к каждому из них. В нефтяной промышленности Владимир Юрьевич был слишком значительной, общепризнанно высокоавторитетной личностью, чтобы было можно воспринимать его неадекватно. В нем ярко сосуществовали инженер-производственник И интеллигент сочетание в руководящих производственных сферах огромной страны. Как утверждают его многолетние друзья по жизни и избранной профессии, задатки этих достоинств проявились в нем с первых дней студенческой жизни, отражая домашнее воспитание и приумножаясь на протяжении всей жизни в производственных буднях инженера и руководителя.

Высоко ценивший в специалисте серьезные профессиональные знания и тактичный в проявлениях товарищеского внимания к истинно талантливым людям, Василий Александрович нашел в В.Ю. Филановском и надежного единомышленника и хорошего товарища. И с первых дней совместной работы по руководству Миннефтепромом эти отношения стали важнейшим залогом и глубокого проникновения Динкова в специфические особенности нефтяной промышленности и, не заставившей себя ждать, результативности в деятельности отрасли. Это был тот самый не часто встречающийся на практике случай, когда сложение руководящих усилий множит желанный результат.

В этой связи чрезвычайно символичным представляется именно тот факт, что Государственное свидетельство о занесении Василия Александровича Динкова в Книгу почета работников нефтяной промышленности от Миннефтепрома СССР скреплено подписью именно Владимира Юрьевича Филановского.

В новом руководстве министерства существенно обновился состав Коллегии. Одним из новых членов Коллегии был утвержден начальник Управления промысловой и полевой геофизики Николай Андреевич Савостьянов. Память сохранила живые впечатления от интересных вечеров самодеятельности в Мин-нефтепроме 1960—1970-х годов, организатором и душой которых неизменно выступал человек с необыкновенно «улыбчивым» чувством товарищеской сопричастности ко всем и ответственным отношением к общественно-партийной жизни интересный, небезосновательно министерства, увлекающийся поэзией собеседник и уважаемый начальник одного из отделов геофизического Главка, с которым, увы, нечастыми были мои личные (М.Г.) служебные встречи. Он и сегодня счастливо сохранил молодость души эту, столь редко встречающуюся человеческую особенность. Верный обязательности и уже установившейся между нами доброй традиции, Николай Андреевич точно в условленное время передал приводимые вниманию читателя в воспоминаниях страницы о «светлом человеке, блестящем профессионале».

Конечно же, вводя в Коллегию руководителя геофизического Главка и содействуя назначению одним из своих двух первых заместителей руководителя отраслевой геологической службы В.И. Игревского, имея при этом в лице первого заместителя В.Ю. Филановского крупного в стране специалиста в области недропользования, председателя Центральной комиссии по разработке нефтяных месторождений (ЦКР), министр В.А. Динков сознательно акцентировал внимание на важности укрепления участка работы отрасли, специалисты которого ответственны за обеспечение прироста полновесных запасов нефти.

В свою очередь, эти меры отражали беспокойство министра снижением качества текущих запасов или кратности соотношения запасов к годовой добыче нефти, которая из года в год ухудшалась. (Положение в газовой промышленности в этом отношении к середине 1980-х годов было диаметрально противоположным. Достаточно ознакомиться с первыми заявлениями В.А. Динкова, еще в пору назначения его министром газовой промышленности СССР в 1981 году, в которых важнейшей задачей отрасли отмечалось выполнение заданий именно геологоразведочных работ, чтобы понять истинную причину абсолютного успеха, до известного времени сопровождавшего деятельность Мингазпрома.)

Десятилетия бурного развития нефтяной и газовой промышленности были и годами совместных обсуждений общих проблем освоения все новых открытий геологов в 1960— 1980-е годы. На одном из таких совещаний работников нефтяной и газовой промышленности в июне 1963 года в Краснодаре и состоялось первое знакомство молодых, но уже опытных специалистов — газовика В.А. Динкова и геолога В.И. Игревского. «И с тех пор, — вспоминает Валерий Иванович, — наши пути все время пересекались, на каких бы должностях и в каких бы ведомствах мы не работали... В бытность Динкова министром нефтяной промышленности, мне посчастливилось быть первым заместителем министра.

Работали дружно, доверительно, ответственно, всеми силами стремясь обеспечить отрасль достоверными запасами нефти. И не наша вина, — с горечью продолжил В.И. Игревс-кий, — что наша, некогда великая нефтегазовая держава, скатилась до уровня третьеразрядной страны.»

В этих немногословных воспоминаниях сегодняшнего активного деятеля Совета пенсионеров-ветеранов войны и труда и гордость за общепризнанные успехи советских геологов, нефтяников и газовиков, открытия которых и сегодня успешно работают на экономику страны, и неослабевающие чувства корпоративной солидарности ветеранов и тружеников нефтегазовой промышленности, и нескрываемая боль за нерачительное хозяйствование в нашем, все еще богатом, по уверениям опытного геолога, природными ресурсами Отечестве, и незабываемая память о Василии Александровиче Динкове, работать с которым было счастьем.

Состояние дел в Миннефтепроме осложнялось ещё и тем, что совершенно очевидный кризис ресурсообеспеченности сопровождался и кризисом технологическим.

И с первым грозным свидетельством этого факта новый министр нефтяной промышленности столкнулся на пятом месяце руководства отраслью, в которой шаг за шагом едва стал наращиваться новый производственный ритм. Однако неожиданно он был буквально взорван. И произошло это в Казахстане. Ему суждено было встретиться с крупнейшей за всю историю мировой нефтяной промышленности аварией. Для В.А. Динкова это было первое тяжкое испытание на новом поприще. Но об этом несколько позже.

Василий Александрович нередко приезжал сюда в кратко-срочные и длительные командировки. Дело в том, что все работы по обустройству месторождений, включая обустройство новых нефтяных промыслов в республике, с начала реорганизации народного хозяйства в 1965 году были возложены на Министерство газовой промышленности, и с этого времени, не взирая на дополнительные упорядочения в управлении страной, уже министр газовой промышленности, а с 1985 года и министр нефтяной промышленности В.А. Динков не упускал из поля внимания вопросы развития многообещающего нефтегазового комплекса республики. Начиная же с 1985 года проблемам ТЭКа Казахстана В.А. Динков уделял все возрастающее внимание.

Справедливость требует отметить, что в сегодняшних впечатляющих успехах уверенно развивающейся экономики республики неоспоримы труды первопроходцев нефтяников и газовикови особенно тех, кто в 1970— 1980-е годы открыл на пя-

ти-семи километровой глубине геологическое нефтегазовое чудо, с мощностью продуктивной зоны, доходящей до $1500\,\mathrm{m}$, распластанное на четыре сотни квадратных километров и носящее гордо звучащее название «Тенгиз». Оно созвучно имени ввергавшего современников в ужас монгольского полководца $X\Pi-XIII$ -го веков, видевшего источник богатства лишь в грубых вооруженных завоеваниях.

Освоение несоизмеримо большего богатства сегодняшнего Тенгиза это плоть от плоти глубокой созидательной мысли и неустанного труда профессионалов, орудием которых были специальные знания, организаторские способности и, увы, не всегда совершенная техника. Могучий и неукротимый нрав этого месторождения проявился 24 июня 1985 года, когда вырвавшаяся на скважине № 37 из под контроля стихия давлением почти в тысячу атмосфер снесла все близлежащие строения и вознесенным на двухсотметровую высоту горящим фонтаном из нефти и нефтяного газа в течение долгих месяцев лишь подтверждала непокорное всесилие и неистощимость богатств природы, так бурно уходящих в никуда. Богатств, в освоении которых был и немалый вклад Василия Александровича Динкова.

Беспрецедентный фонтан собрал в Казахстан к руководству республики всех высокоответственных действовавших и бывших руководителей нефтегазовой промышленности страны.

Стало ясно, что отечественными техническими возможностями фонтан не укротить. В поисках решения проблемы возобладало мнение ГКНТ СССР.

Один из наиболее признанных специалистов страны в области бурения, воспитанник татарской школы нефтяников, в прошлом начальник Технического управления, замминистра нефтяной промышленности, а последние годы работы начальник Отдела нефти и газа ГКНТ СССР Виктор Ильич Мищевич в нашей беседе прояснил мельчайшие подробности Тенгизском возникшей на месторождении ситуации: «Первоначально буровики Миннефтепрома пытались справиться с аварией собственными силами и их, одна за другой, неудачные попытки не ослабляли понятного рвения перед новым министром. Более того, на стол В.А. Динкову видимо, ложились оптимистичные реляции, мол справимся сами без постороннего участия. Масштабы аварии при этом очевидно скрашивались. Однако время шло, а проблема не решалась.

Авария на Тенгизе высветила бессилие нашей промышленности, лишенной современных технических средств перед аномально высоким давлением разбушевавшейся газонефтяной стихии, вырвавшейся с пятикилометровой глубины, к тому же насыщенной сероводородом. Мне, в то время начальнику отдела в ГКНТ СССР было ясно, что отсутствие в стране специального оборудования неизбежно потребует обратиться к хорошо известной нефтяникам американской компании «Камерон», единственному его производителю, специалисты которой к тому же обладают уникальным опытом ликвидации подобных аварий. Не раз приходилось заниматься подобной работой и самому, но картина, представшая взору на месте, не поддавалась ни сравнению, ни описанию. Ничего подобного не могло быть в газовой промышленности, определению. Огромное ПО пластовое давление буквально вышвырнуло из скважины на поверхность, отбросив в сторону, тяжелую колонну бурильных труб, и они бесформенными «макаронами» лишь дополняли тягостность общего впечатления. Но главную опасность представляло распространение сероводородсодержащего газа и продуктов его горения в возникшем факеле.

Проведенные в порядке предварительного зондажа переговоры с представителями «Камерона» выявили и ее готовность и цену вопроса. Она была определена в 2 млн долларов за оборудование плюс расходы на бригаду ликвидаторов аварии плюс большегрузный авиатранспорт для доставки оборудования с европейского склада «Камерона» в Казахстан.

Одобренные министром В.А. Динковым и правительством в лице Б.Е. Щербины, представлявшего высшую власть в ТЭКе страны, эти предложения в конечном итоге были успешно реализованы.»

Тринадцать месяцев и три дня, без малого, четыреста дней неистовствовала на поверхности могучая сила недр Тенгиза. В воздухе, как об этом в сборнике воспоминаний ветеранов нефтяной газовой промышленности писал И.В. Назаров, ежесуточно сгорало 12—15 тыс. т нефти и б—8 млн м³ газа. Большая группа специалистов во главе с первым заместителем министра нефтяной промышленности Валерием Ивановичем Игрев-ским приложила невероятные усилия по его укрощению. И

Пребывание руководителей Госплана СССР, Миннефтепрома СССР, Мингазпрома СССР, Мингеологии СССР и Миннефтегазстроя СССР в Казахстане с целью обсуждения проблем развития нефтяной и газовой промышленности в республике.

На верхнем снимке один из руководителей Казахстана Нурсултан Назарбаев, Н.К. Байбаков, (?), В.А. Динков, во втором ряду А.М. Лалаянц, В.Г. Чирсков, Е.А. Козловский, Н.А. Мальцев и другие. Алма Ата, 1985 г.

В предверии заключительного заседания у высшего руководства Казахстана по результатам предварительной проработки в Госплане СССР, Миннефтепроме СССР, Мингазпроме СССР, Мингефтегазстрое СССР, Мингео СССР вопросов развития нефтяной и газовой промышленности

Казахской Республики.

На снимке справа налево: Н.А. Назарбаев, В.А. Динков, (?), Е.А. Козловский, Н.А. Мальцев и др. Слева: Н.К. Байбаков, (?), В.Г. Чирсков и др. Алма Ата, 1985 г.

благодаря всей совокупности мер, беспрецедентный за всю историю нефтяной промышленности фонтан был укрощен, а его тяжкие последствия ликвидированы.

Общие потери на месторождении, с учетом указанных ранее данных, составили порядка 4,8-6 млн т жидких и порядка 2,4-3,2 млрд м³ газообразных углеводородов. Оценка общего экономического ущерба лишь от потерь газообразных углеводородов с учетом действовавших в 1985-1986 годах среднеевропейских цен в 3,4-4 долларов за миллион БТЕ (порядка

Ознакомление Н.К. Байкова и В.И. Динкова с ходом освоения Тенгизского месторождения в Казахстане

120—140 долларов за 1000 м³) и с учетом поставок на условиях сиф-граница среднерасположенной западноевропейской страны составляет порядка от 245—288 до 327—384 млн долларов.

Оценка же ущерба от потерь жидких углеводородов с учетом средней цены барреля базовой нефти «Брент» в указанные годы, равной соответственно 27,51 и 14,38 долларов за баррель и исчисленной, с учетом скидок, средней цены отечественной экспортной смеси «Юралс» на условиях ФОБ — Новороссийск в 18 долларов за баррель, составляет порядка 630—780 млн долларов. Минимальная сумма этих потерь вплотную приблизилась к 1 млрд долларов. (Оценка М.Г.)

Можно лишь догадываться, каково в дни работы очередного партийного съезда в феврале — марте 1986 года, было Васи-

лию Александровичу, ровно год, как возглавившему Министерство нефтяной промышленности, когда с высокой трибуны первого «горбачевского» съезда желали слышать лишь о достижениях и о безусловном увеличении экспорта нефти на твердовалютный рынок, а неукрощенная тенгизская скважина плюс ко всему угрожала экологической катастрофой.

Его выступление на съезде отражало нескрываемую озабоченность министра плачевным состоянием разведанных запасов нефти, которые не шли ни в какое сравнение с состоянием дел у газовиков. Его убежденность в необходимости всемерного расширения геофизических исследований, разведочного бурения и оснащения геофизиков и геологов современным оборудованием и компьютеризированными системами высокой разрешающей способности невозможно было поколебать. Однако и без лишних слов было ясно, что реализация высказанных и многих других важных технических инициатив и технологических проблем, включая все более настойчиво напоминающую о себе проблему увеличения нефтеотдачи пласта, возможна лишь при условии решительной смены стратегии развития отрасли, ослабления режима санкций на импорт высоких технологий и полновесного поступления в отрасль для импортных нужд зарабатываемых нефтяниками нефтедолларов. Но решение этих проблем требовало политической воли высшего руководства страны, которое продолжало неизменно требовать увеличение добычи нефти. «Во что бы то ни стало». Могли ли при этом подвергаться критике и даже сомнению контрольные цифры требуемого выхода в 1990 году на уровень добычи в 625 — 640 млн т и тем более в условиях резкого падения уровня мировых цен на нефть после их более чем десятилетнего почти непрерывного роста? Так, с первого же года новой пятилетки возникал заколдованный круг. Полагаться на достойное финансирование неизбежных импортных закупок высоких технологий, даже при условии отмены или ослабления указанных санкций, в условиях, когда экономика страны напоминала «тришкин кафтан», становилось проблематичным.

И все же, при всех, выпавших на долю министра В.А. Динкова испытаниях, он добился, казалось невероятного. На нужды разведочного бурения были выделены соответствующие средства. В 1985—1991 годах по данным академика Д. Львова, прирост разведанных запасов нефти в стране в

среднем составил 1,1 млрд т в год. (Отметим, что в следующем десятилетии этот показатель сократился в 4 раза, до 250 млн т и добыча нефти опережала прирост ее запасов.)

Напомним, что в минувшие годы не был преодолен запланированный на конец X пятилетки 1976—1980 годов рубеж в 620 — 640 млн т, и в памяти были свежи неудачи с выполнением плана XI пятилетки 1981—1985 годов, предусматривавшим выход на уровень в 620 — 645 млн т, с пересмотренным верхним пределом добычи до 630 млн т, также не выполнены. Но с упорством, достойным лучшего применения, и невзирая на отчаянное экологическое состояние, буквально, насилуемых недр, запасы которых уже по настоянию нового руководства отрасли требовали обновления, высшее руководство страны в новой XII пятилетке 1986— 1990 годов продолжало настойчиво требовать достижения добычи все тех же, разве, что с неизбежным плюсом, 625—640 млн т нефти и газоконденсата, подключив к достижению этой цели лучших специалистов страны.

Если авария на Тенгизе сорвала планы доведения добычи нефти в Казахстане от 18,7 млн т в 1981 году до 25 млн т в 1985 году и усугубила продолжающийся в стране в 1985 году спад добычи нефти, то падение мировых цен лишало отрасль возможностей оперативного внедрения высокоэффективых, но капиталоемких программ увеличения нефтеотдачи пласта с целью компенсации потерь и выхода в 1990 году на плановый уровень добычи.

Но грохот все еще неукрощенного Тенгиза буквально померк и был отодвинут настигшей страну в апреле 1986 года Чернобыльской катастрофой. Помимо неподдающихся подсчету жертв и ущерба, выход из строя атомной электростанции нарушил электроэнергетический баланс на значительной территории страны, повлек за собою снижение суммарной выходной мощности на остальных АЭС страны вследствии срочных ревизий их безопасности и рабочих режимов. Возникли серьезные сомнения в целесообразности форсирования темпов развития атомной энергетики, ослабло финансирование производства на предприятиях атомного машиностроения, омертвляя уже израсходованные миллиарды на создание основных фондов нарождавшейся отрасли, перенося на неопределенные сроки востребование её продукции для оснащения новых предприятий широко провозглашенной программы развития

атомной энергетики и увеличивая нагрузку на отрасли, добывающие природное ископаемое топливо. Эти потери призваны были восполнить переведенные на форсированный режим работы тепловые электростанции, что в свою очередь потребовало и дополнительных поставок мазута. Для нефтяников же это означало одно. Лишь пару месяцев назад принятые перенапряженные планы добычи нефти необходимо было перевыполнять. В 1986 году экспорт нефти в капиталистические страны был увеличен на 10,9 млн т и составил 87,5 млн т, и несмотря на это общая валютная выручка значительно уступала достигнутому уровню предыдущего года. Добыча нефти превысила результат предыдущего года на 18,1 млн т и составила 615,1 млн т, а требовалось eë значительно больше значит объем эксплуатационного бурения должен был лишь возрастать.

Такой старт нового министра мог оказаться роковым для кого угодно, но только не для В.А. Динкова. И хотя совершенно непредвиденные потери нескольких миллионов тонн и не одного миллиарда долларов усложнили и без того напряженное положение в отрасли, он настойчиво двигался в тщательно выверенном направлении, в твердой уверенности переломить ситуацию и, как показало время, добился непревзойденного достижения.

Следует отметить, что Тенгиз был и болью, и, в значительно большей мере, надеждой нефтяной промышленности, особенно для Казахстана, но в 1986 году никто и в мыслях не мог предположить грядущие перемены и в судьбе месторождения, и в судьбе страны. Об этом подробно изложено в прилагаемых воспоминаниях Ш.С. Донгаряна. Отметим лишь, что последнее слово в тенгизской эпопее сказала история, и подписанное в мае 1992 года соглашение Республики Казахстан с американской компанией «Шеврон» о совместной разработке Тенгиз-ского и Королевского месторождений с использованием иностранного технологизированного капитала открыло новую тимистическую страницу в истории этого гигантского месторождения, богатство которого уже приносит Казахстану конкретное экономическое благо.

В середине 1990-х годов, когда в независимой Республике Казахстан осуществлялась презентация подготовленного компанией «СЖС-Энергодиагностика» экспертного заключения

по выбору потенциального партнера для разработки Карачаганакского месторождения, на торжественную процедуру прибыл президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. Он высоко оценил рекомендовавшую отлать преппочтение предложению консорциума «Бритиш Газ» и итальянской компании «Аджип», включавшему и бонус, что было немаловажным фактором для тогдашнего Казахстана. Его подчеркнуто теплые слова в адрес президента «СЖС-Энергодиагностика» Василия Александровича, возглавившего столь важное направление деятельности по экспертизе проектов, техническому надзору, сертификации оборудования и объектов повышенного риска в нефтегазовой промышленности, были ещё одним ярким подтверждением того высокого авторитета, которым пользовался, того глубокого уважения и признательности, которую он оставил в памяти своих товарищей по высокоответственной государственной деятельности.

Предпринимая меры по увеличению объема эксплуатационного бурения, В.А. Динков всеми силами стремился к тому, чтобы эти меры не отражались во вред разведочному бурению. Издержки же технологической недостаточности в условиях урезанной валютной обеспеченности он стремился компенсировать ещ^л и более энергичным вовлечением Минхиммаша в решение судьбоносных задач увеличения добычи нефти. После успешного сотрудничества с ГКНТ СССР в ликвидации Тенгизской аварии В.А. Динков установил правило решительной поддержки полезных инициатив ГКНТ СССР и Минвнешторга по использованию их международных связей, включая регулярное участие в организуемых международных выставках нефтегазовой тематики и в различных тематических конференциях, и не обходил личным вниманием ни одно серьезное международное мероприятие по проблемам нефти и газа. Он чутко улавливал новые тенденции в развитии технических средств и технологических решений и нацеливал отечественных машиностроителей и коллективы нефтяников на их полезное заимствование.

С начала и особенно с середины 1980-х годов Международные выставки достижений нефтяной и газовой промышленности стали ежегодными и, как показала жизнь, в высшей степени оправданными событиями деловой жизни Москвы. Будучи ответственным от ГКНТ СССР за их проведение и, что самое

На международной выставке -«Нефть и газ-85»

Министр нефтяной промышленности СССР В.А. Динков, первый заместитель министра В. И. Игревский и главный научный сотрудник Института проблем нефти и газа РАН Н.К. Байбаков в павильоне фирмы «Макдермот^- на выставке <<Нефть и газ-86». Москва, апрель 1986 г.

существенное, за безошибочность выбора и организацию закупки с целью испытания в производственных условиях особенно полезных образцов, выставленных в фирменных павильонах, я (М.Г.) нередко встречался с Василием Александровичем у павильонов всемирно известных компаний по производству уникального оборудования. По установившемуся правилу, в кругу коллег оживленно обсуждались характеристики выставленных образцов. Эти обсуждения нередко заканчивались предложениями по закупке того или иного образца. В большинстве случаев предложения удовлетворялись. При положительных результатах производственных испытаний и аргументированной заинтересованности министерства закупки согласованных объемов оборудования включались в импортные пла-

ны Минвнешторга. И в этом был большой практический смысл мероприятия, вне сомнения, отвечавшего и интересам фирм, видевших в нашей, крупнейшей нефтегазодобывающей стране огромные коммерческие возможности.

Однако, там где появлялись технологическая возможность и макроэкономическая целесообразность, энергия и внимание Василия Александровича, как и прежде, решительно направлялись на использование продукции отечественного машиностроения, на импортозамещение, как правило, дорогостоящего зарубежного оборудования, и он последовательно поддерживал и инициировал конкретные предложения по оснащению заводов Министерства химического и нефтяного машиностроения новейшим станочным и испытательным оборудованием.

Бывший начальник Главного управления бурового и нефтегазопромыслового оборудования Минхиммаша Владимир Иванович Павлов вспоминает, как благодаря именно влиятельной поддержке В.А. Динкова и В.Ю. Филановского, успешно содействовавших целевому финансированию Минхиммаша в Госплане СССР, машиностроителям удалось почти полностью переоснастить важные производственные участки на Сумском машиностроительном заводе им. Фрунзе — одном из основных отечественных поставщиков газоперекачивающих агрегатов (ГПА) для нужд нефтяной и газовой промышленности.

Там же в Сумах при активной поддержке министра В.А. Динкова, в 1985—1988 годах в сотрудничестве с итальянской компанией «Даниэли» был сооружен завод и организовано производство бурильных и утяжеленных труб.

Интересно в этом отношении вновь обратиться к воспоминаниям **Николая Дмитриевича Федоренко:** «Наше успешное сотрудничество с Василием Александровичем в газовой промышленности с его переходом в Миннефтепром не только не ослабло, но наполнилось исключительно плодотворным содержанием.

Следующая встреча с ним, — вспоминает Н.Д. Федоренко, — произошла уже с Динковым, министром нефтяной промышленности СССР в начале осени 1985 года. В сентябре 1985 года на объекты нефтяной промышленности Тюменской области с большой группой сопровождающих прибыл М.С. Горбачев. Лишь в феврале назначенный министром В.А. Динков уже докладывал руководству страны о состоянии

дел в отрасли и намечаемых мерах по выводу отрасли из прорыва. Одной из намечавшихся мер было создание на Сумском заводе Минхиммаша ГПА с газотурбинным приводом, единичной мощности 16 МВт для использования в интенсификации газлифтной добычи нефти. Строенные шестнадцатитысячники суммарной мощностью около 50 МВт предлагались для закачки в пласт более 4 млн м³ попутного газа в сутки, что призвано было обеспечить эффективное увеличение нефтеотдачи пласта. Я был участником и свидетелем длительных и скрупулезных предварительных обсуждений каждой детали сложной технологической схемы проекта при деятельном участии министра Динкова и директора Сумского завода Лукьяненко. Это была незабываемо яркая дискуссия, как нам казалось, с многими неизвестными для специалиста газовика. Одно дело, когда имеешь дело с очищенным и осушенным метаном при решении проблем газовой промышленности, и совсем другое, когда газ попутный, а задача — его закачка в пласт с целью увеличения нефтеотдачи пласта. Аргументы и контраргументы заказчика и исполнителя подвергались столь всесторонне тщательному анализу, точно речь шла не о крупномасштабной производственно-технической задаче, а о защите четко просчитанной научной диссертации. При всей «кровной» близости этой идеи нашему брату машиностроителю, традиционно тесно сотрудничающему с Миннефтепромом, отцом идеи, без преувеличения, выступал Динков, что сразу отмело возникшие было сомнения. Это было самоочевидно. И не удивительно, что ни Горбачев, ни его сопровождение объяснений не отвлекались OT дополнительных пояснений Василия Александровича, твердая уверенность в радикальности предлагавшихся мер была блестяще подтверждена уже в следующем 1986 году. Лишь отмечу, что макроэкономический эффект от реализации этой идеи включил и решение проблемы импортозамещения высокотехнологичной и капиталоемкой зарубежной продукции, поставки которой в нашу страну к тому же встречали неослабное настойчивое сопротивление главного держателя ноу-хау в этой области — США.»

Интересными воспоминаниями о В.А. Динкове поделился **Леонид Иванович Филимонов.** Он начинал свою трудовую деятельность в 1959 году помбуром конторы бурения объединения «Сахалиннефть», где проработал 17 лет до начальника ре-

тонального управления буровых работ. Затем Башкирия, Томск, наконец Нижневартовск.

«Конечно же я много слышал о Динкове, — вспоминает в беседе Л.И. Филимонов, — Газовая промышленность и её министр в промышленности страны пользовались положительной репутацией. Но первая личная встреча с ним произошла в начале 1985 года в Нижневартовске, куда с 1984 года я был переведен генеральным директором объединения «Нижневартовскнефтегаз», пожалуй крупнейшей в мире нефтедобывающей структуры, функционирующей в одном регионе, с ежегодной добычей 150—151 млн т нефти — четверть тогдашней союзной добычи (по меркам того времени, без малого Иран и Кувейт вместе взятые: в 1984 году соответственно 102 и 61, а в 1985 году - 110 и 55 млн т).

И вдруг провал. Этап фонтанной добычи оказался быстротечным, а к механизированной добыче почти нулевая готовность, без техники и без квалифицированных кадров. Партийные взыскания и распекания со стороны начальства стали делом повседневно-привычным. За ними последовала череда освобождений от должностей с суровыми записями по партийной линии, а то и казни подобное — «партбилет на стол!». Всё по годами отработанной схеме. Нефтяники Западной Сибири переживали тяжелый этап своей жизни, и, в определенной мере, мой перевод из обжитого Томска имел целью преодолеть непривычное для местных нефтяников падение добычи. Некогда передовое объединение стало у государства должником, а переломить ситуацию не удавалось. (Отметим, что с 1964 по 1985 годы в Тюменской области было добыто 3 млрд т нефти. М.Г.)

В феврале 1985 года, к всеобщему удивлению нефтяников нашим министром был назначен В.А. Динков, а уже в конце февраля произошла моя первая встреча с новым министром. Откровенно говоря, — вспоминает Л.И. Филимонов, — впечатление от той встречи было тягостным. Я вдруг почувствовал, что он решил устроить мне «публичную порку». Каждый новый суровый и не без сарказма вопрос, как бы имел целью, то ли показать нашу беспомощность, то ли подчеркнуть абсолютное превосходство вопрошавшего. Ну, «неумехи» и этим всё сказано. Разговор с министром дело всегда не простое. К тому же мне, что называется, крыть было нечем. Мы не шли ни в ка-

кое сравнение с газовиками, чей четко отлаженный ритм, организованность и по всей видимости грамотная техническая политика из года в год и особенно с начала 1980-х годов обеспечивали стабильный рост добычи.

Динков пробыл у нас несколько дней, знакомился с производством. И тут я почувствовал в нем не столько увлеченного критика, сколько всерьез озабоченного руководителя, готового к кропотливому выправлению ситуации с использованием громадного кладезя знаний. А технические знания Динкова были поразительными. Я и сам считаю себя инженером не робкого десятка и в жизни встречал людей увлеченных инженерным трудом, но Динков, надо отметить, был инженером выдающимся. То, что он демонстрировал в рассуждениях вызывало и глубокое уважение и искренний восторг. Но его портрет был бы неполным без упоминания об искусстве ведения диалога, которым он, по моему убеждению, владел в совершенстве. Я был свидетелем этой важной его особенности, проявленной в беседе с Е.К. Лигачевым и особенно в беседах с М.С. Горбачевым во время его посещения Западной Сибири в сентябре 1985 года Василий Александрович, без преувеличения, был крупным государственным деятелем, в котором гармонично сочетались пунктуальность инженера, масштабность мышления крупного руководителя и гибкость политика. Его инструментом были аргумент, расчеты, обоснования. Он придавал величайшее значение глубокому личному проникновению в технико-экономическую сущность обсуждаемого проекта. Нелишне напомнить, подчеркнул Филимонов, — что эта его черта производила особое впечатление на иностранных партнеров, в переговорах с которыми он самолично, что называется «до копейки» просчитывал вклады сторон и ожидаемый эффект осуществляемого либо от возможного сотрудничества.

Мы переживали тогда непростое время, партийные указания оставались директивой, исполнение которых не подлежало обсуждению. Нас буквально терроризировало бесчисленное множество различных проверяющих комиссий, до 250 в год... Их пыл был умерен лишь с приходом Василия Александровича. Но, что самое главное, с его приходом очень быстро стало выправляться положение в отрасли. В помощь к нам был прикреплен первый замминистра В.Ю. Филановский и мы довольно успешно стали внедрять механизированную добычу нефти.

Проблемы увеличения нефтеотдачи пласта из малоэффективных рассуждений целой армии докторов и кандидатов наук и огромного множества научных и проектных организаций перешли в плоскость, пусть и капиталоемких, но конкретных и в конечном итоге эффективных дел. Василий Александрович умел выбивать под эти проекты необходимую валюту и импортную технику и очень умело использовал новую ситуацию, позволяющую привлечь передовую зарубежную технологию через организацию деятельности совместных предприятий. Этому содействовало принятие в стране в январе 1987 года известных постановлений правительства о создании совместных с иностранными компаниями предприятий и последовавшей серии нормативных актов. Наиболее ярким примером этого является организация сотрудничества с канадской фирмой «Фракмастер» по осуществлению гидроразрыва пласта. Однако основной упор, при всем при этом, делался на грамотную техническую политику.

К началу апреля 1986 года наше объединение, а вместе с нами и вся отрасль стали подниматься с колен. Расплатившись с годами накопленными перед государством долгами в 2 млн т нефти, мы вошли в плановый производственный ритм. Жить стало веселей. В самом прямом смысле. Выправили положение с соцкультбытом, развили строительство жилья, и в Нижневартовске построили великолепный бассейн.»

Но до настоящего стабильного успеха нужно было сделать очень многое. А пока — настойчивый и кропотливый труд министра по повседневному и повсеместному исправлению положения, реализация глубоко продуманных и всесторонне рассмотренных на заседаниях Коллегии мероприятий, привлечение к решению конкретных производственных заданий молодых, уже зарекомендовавших себя ученых и особенно в области повышения нефтеотдачи пласта. Нередко вспоминались молодые годы с их бессонными ночами и он верил, что двигается в верном направлении, что для преодоления инерции неудач необходимо время. Неясно лишь было, где это время взять.

Дело в том, что в 1985 году добыча нефти продолжала непереставая падать, а остро реагирующее на эти «вести с фронта», нетерпеливое руководство хотело видеть эффект волшебной палочки «здесь и сейчас». Мол, сделаны оргвыводы, давай результат!?

Историческая фотография запечатлела подчеркнутое внимание двух будущих первых президентов СССР и Российской Федерации к объяснениям министра нефтяной промышленности о состоянии отрасли. Добыча нефти всегда была предметом заинтересованного внимания руководителей страны на протяжении всего времени ее существования с первых дней советской власти в СССР и с первых экономики в Российской дней реформирования Федерации. Фактически, выручка от экспорта нефти, а с конца 1960-х годов и от экспорта природного газа позволяла СССР выдерживать тяжелое бремя военных расходов в годы холодной войны и обеспечивать импорт товаров первой необходимости. В настоящее время экспорт этих товаров содействует успеху российских реформ.

На снимке: В.А. Динков, Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев, Р.М. Горбачева, секретарь ЦК КПСС Б.Н. Ельцин. Тюменская область, 1985 г.

Но темп добычи в 1985 году ничего утешительного не предвещал и по результату годовой деятельности этот прогноз оказался верным. Добыча против предшествующего года упала на 13 млн т. Темп потерь возрос вдвое.

Пожалуй, самым важным событием в отрасли после вступления В.А. Динкова в должность министра нефтяной промыш-

Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев и сопровождающие его лица на объектах нефтяной промышленности Миннефтепрома СССР. Тюменская область, 1985 г.

ленности считалось посещение объектов ТЭКа Западно-Сибирского региона Генеральным Секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым.

Это было мероприятие к подготовке описанного съезда, на котором предполагалось сделать важные заявления, и организовано оно было через семь месяцев со времени назначения Динкова. Вот как это описано в книге Н.А. Мальцева, В.И. Игревского, Ю.В. Вадецкого «Нефтяная промышленность России в послевоенные годы», изданной в 1996 году:

«...в сентябре 1985 года в Западно-Сибирский регион с большой группой специалистов выехал М.С. Горбачев, чтобы

на месте разобраться и личным участием и авторитетом поправить положение дел.

Итоги работы комиссии были подведены на собрании партийного актива нефтяников с его участием. Как отмечалось на собрании, главная причина состояла в отставании ввода в действие новых нефтяных месторождений из-за несвоевременного обустройства, отмечен несвоевременный ввод в действие системы поддержания пластовых давлений и объектов для газ-лифтной добычи нефти на разрабатываемых месторождениях;

кроме того, из-за нехватки оборудования и отставания работ по обслуживанию скважин большое число их фонда находилось в бездействии.

Отмечалась также непригодность для работы в суровых климатических условиях по различным конструктивным пара-

метрам и качеству изготовления погружных центробежных электронасосов, станков-качалок, штанг и штанговых насосов, газлифтных компрессорных станций отечественного производства, агрегатов для текущего и капитального ремонта скважин. В итоге посещения составили мероприятия по улучшению работы нефтяной промышленности. Был отправлен на пенсию

Н.К. Байбаков и, — как отмечают авторы, — решены вопросы усиления партийного руководства нефтяной промышленности. (А это всерьез считалось одним из «важных» мероприятий. М.Г.)

Большего, — пишут авторы книги, — сделать в интересах нефтяников не успели, так как М.С. Горбачев переключил свое внимание на политические аспекты деятельности — осуществление гласности и перестройки.»

Со временем стало все более очевидным, что увлечение «гласностью» затмило собою, столь долгожданную, и как всем хотелось думать, всесторонне продуманную перестройку экономики страны. Что касается нефтяников, то руководимые энергичным министром они уже уверовали в успех, который не заставил себя ждать в следующем 1986 году.

«В 1987 году, — вспоминает Леонид Иванович, — я короткое время был заместителем министра в Мингазпроме СССР, где буквально неприкаянными детьми влачили существование морские нефтяники и газовики и, наконец, с 1988 года я — первый заместитель министра у Василия Александровича. Проблемы те же — разработка морских месторождений, но отношение к ним иное.»

«Конечно же, — вспоминал Л.И. Филимонов, — все доставалось тяжелым трудом, а должность министра во всем этом деле, если одним словом, то «расстрельная», в чем я убедился и на личном опыте, став министром нефтяной промышленности в 1989 году, после ухода В.А. Динкова. Но незадолго до этого, в конце мая того же 1989 года, я оказался в самом пекле бушующего пламени на вышедшем из под контроля кусте скважин каспийской морской платформы, месторождения «28 апреля», куда для принятия экстренных мер был направлен министром В.А. Динковым. Но это ЧП оказалось несравнимым с той страшной катастрофой, которая буквально в конце той же недели произошла под Уфой, где взрыв Миннефтепромовского продуктопровода унес несколько сот жизней пассажиров двух, оказавшихся рядом пассажирских поездов. Из оперативной информации мне было известно, что все эти дни и ночи после катастрофы на месте происшествия бессменно находились В.А. Динков и замминистра В.Ю. Филановский, организуя помощь пострадавшим и восстанавливая производственный процесс. (Подробнее об этом см. в конце главы. М.Г.)

Обсуждение итогов работы нефтяников в 1987 году. Это был год рекордной добычи нефти.

На снимке: первый заместитель министра Л. И. Филимонов, министр В.А. Динков, первый заместитель министра В.Ю. Филановский. Миннеф-тепром, январь 1988 г.

«Моя последняя встреча с Василием Александровичем, — подвел итог нашей беседе Леонид Иванович, — произошла случайно и если не изменяет память в феврале 2001 года. Он живо вспоминал события семилетней давности, наше первое знакомство и ничто не предвещало приближающуюся трагедию.»

«Мир людей, посвятивших себя в нашей стране нефтяной и газовой промышленности очень тесен и мое первое знакомство с Василием Александровичем — вспоминает Виктор Владимирович Гнатченко, который в 1985 году был начальником Главного управления по технике и технологии и организации добычи нефти и газа Миннефтепрома СССР, — произошло лет сорок назад в начале 1960-х годов, в одну из моих командировок из Татарии, где я работал со дня окончания института, в Краснодар, в кабинете начальника объединения «Краснодар-

нефтегаз» Виктора Алексеевича Брагина. Запомнилось впечатление от непродолжительной беседы, занявшей не более пяти минут. Оно было со знаком «плюс». Память запечатлела и уважительные нотки в интонациях хозяина кабинета в адрес подчиненного и его положительные аттестации в адрес Динкова, когда мы остались вдвоем.

В последующие годы судьба неоднократно сводила нас в обоюдных поисках оптимального использования увеличивающихся объемов попутного газа на нефтепромыслах Туркмении, Мангышлака, на Украине. И я не припомню случая, чтобы мое личное обращение к Василию Александровичу, ответственному после 1965 года за добычу и транспорт газа в Мингазпроме, не встретило положительного отклика по традиционно злободневному вопросу утилизации попутного газа.

Репутация Динкова в глазах нефтяников, которым приходилось непосредственно сталкиваться с ним, была очень высокой. Вот почему, когда в 1985 году он был назначен нашим министром, то я, вопреки мнению некоторых моих коллег, увидел в этом добрый знак для переживающей не лучшие времена нефтяной промышленности. Вскоре в этом убедились и остальные, так как нефтяники не испытали обычной болезненности, сопровождающей смену высшего руководства. И первым катализатором спокойствия за судьбу нефтяной промышленности оказалось впечатление от первого заседания Коллегии, проведенного новым министром вскоре после назначения. Искушенные члены Коллегии почувствовали главное — «министр владеет ситуацией», а для судьбы отрасли значение этого вывода трудно было переоценить. В конце концов, продолжали оптимисты, газовики выросли из той же нефтяной шинели... И последующие годы работы под руководством В.А. Динкова превзошли самые смелые ожидания оптимистов. Отличный руководитель и инженер, он выгодно отличался от всех необыкновенно глубокими знаниями техники, и это подтверждалось многократно, когда по установившемуся обыкновению он собственноручно пересчитывал ТЭО на разработку либо создание очередного отраслевого объекта. Не обнаружив ошибки, промолчит, в противном случае вернет с конкретными замечаниями.

Намеки коллег, что, мол, не дело министра перепроверять многостраничные расчеты, он оставлял без внимания и продол-

жал следовать, видимо, раз и навсегда принятой для себя методике.»

Одной из первых инициатив, реализованных В.А. Динковым в Миннефтепроме, было создание Центрального Диспетчерского Управления в 1985 году.

Инициатор и организатор Единой Системы Газоснабжения страны, используя накопленный положительный опыт функционирования ЕСГ, пришел к убеждению о целесообразности организации ее нефтепромышленного аналога.

«Помню одно из первых приглашений к новому министру, — вспоминает В.В. Гнатченко. — «А теперь, — после небольшого вступления произнес Василий Александрович, — Вам надо принимать ЦДУ...» Так, к руководству Главным управлением по технике, технологии и организации добычи нефти и газа Диспетчерское прибавилось И Центральное Управление. Понимая всю важность этой меры, я был далек от ропота, хотя было ясно, что ответственности лишь прибавится. Справедливость требует отметить, что у части моих коллег эта идея вызвала немало вопросов, мол, не достаточно ли существование Траснефти, где всегда можно получить интересующую информацию по нефтепотокам. Однако вскоре все Главки ощутили новые преимущества, перестав отвлекаться на получение ежедневно интересующих сведений по добыче нефти, регулированию и отслеживанию потоков, контроль над которыми передавался новому Управлению. Руководство министерства стало получать требуемую информацию из единого центра, переданного в подчинение нашему Главку. Это позволило высвободить часть отвлекавшегося почти всеми Главками, управленческого ресурса, сосредоточив его на решение профильных производственных задач. Что же касается ЦДУ, то оно и сегодня продолжает быть важным структурным подразделением преемников Миннефтепрома СССР.

В 1995 году, — продолжал воспоминания Виктор Владимирович, — в Президент-отеле, в Москве ветераны Миннефтепрома торжественно отметили десятую годовщину ЦДУ и самым почетным гостем события был его идеолог и создатель Василий Александрович Динков, память о котором в не меньшей мере, чем газовикам, дорога и нефтяникам.»

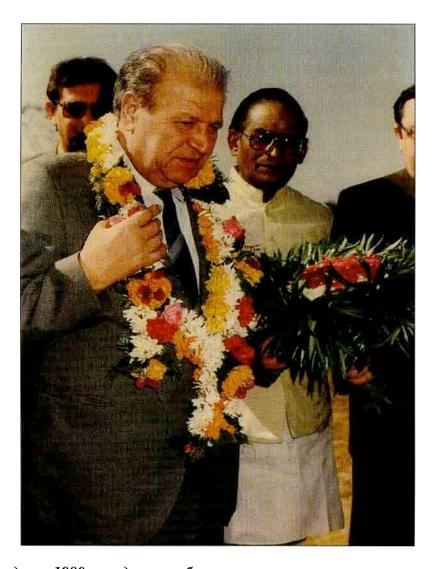
Для Василия Александровича 1987 год оказался первым «мирным» годом в руководстве Миннефтепромом, без произ-

Бедственных ЧП. Это был год фактического начала объявленной коренной перестройки управления экономикой страны, деятельностью министерств, одной из важных мер которой в области международных экономических связей было «развитие новых прогрессивных форм внешнеэкономических отношений с зарубежными странами, активное содействие установлению прямых производственных и научно-технических связей предприятий и организаций отрасли с предприятиями и организациями других стран». На практике это означало серьезный шаг вперед к воплощению давнишних соображений В.А. Динкова еще в начальные годы работы в Мингазпроме о целесообразности установления с современными компаниями родственной деятельности всесторонних взаимовыгодных отношений вплоть до привлечения их знаний, опыта, техники и технологий при решении конкретных отраслевых задач. Эту возможность подкрепило и решение президента США Р. Рейгана в том же году об ослаблении санкций на экспорт в СССР высоких технологий.

связей Миннефтепрома Развитие внешнеэкономических новых условиях осуществлялось под непосредственным контролем министра. В ближайшее время была предложена организация совместного предприятия между Центральной геофизической экспедицией и американской компанией «Профешнл Джеофизикс, Инк.» по осуществлению комплекса разведочных работ и оценке запасов нефти в Западной Сибири, Волго-Уральском регионе, на Северном Кавказе и на Украине. С английской «БиПи Эксплорейшн» и норвежской «Дэн Норске олиезелскап AO» был подписан протокол о намерениях по созданию СП с Каспморнефтегазом для определения осуществимости глубоководного бурения на шельфе Каспия. С компанией «Коноко» Миннефтепром подписал протокол о возможности организации СП по разработке нефтегазовых месторождений в Тимано-Печерском регионе, а также СП с объединениями Главтюменнефтегаз, Главтюменгеология, Ноябрьскиефтегаз по разработке углеводородных ресурсов в Западно-Сибирском регионе (Ноябрьск, Пур и др.) и на юге Урала. О намерениях создать СП в конкретных нефтедобывающих регионах страны заявили «Файбро Энерджи, Инк.» совместно с «Англо-Суисс», «Глобал Нейчурал Рисорсиз», «Тексако Петролеум Девелопмент», «Канадиен Фракмастер» и др.

В 1986 году, когда отрасль преодолела спад и стало ясно, что достигнутый темп добычи предвещает намеченный перелом, Василий Александрович прибыл в командировку на Кубу. Общечеловеческая память хранила события 1960-х годов, когда здесь после победы революции, на некогда затерянном острове, превращенном в форпост идеологического противостояния в Западном полушарии, в океане разделявших мир политических страстей, после безнадежных попыток «перековать мечи на орала» политикой мирного сосуществования, было возжено пламя, которое чуть было не ввергло мир в самоуничтожение. Благо, у последней черты, сильным мира сего хватило мудрости вложить в ножны обнаженные мечи. Человечество вздохнуло с облегчением 28 октября 1962 года. Последующие десятилетия, холодной войны обоюдоострого отмеченные годами противостояния супердержав, вплоть до середины 1980-х годов, щедрые усилия нашей страны были направлены на осуществление замысла по превращению Кубы в витрину экономического процветания, в своеобразный латиноамериканский эквивалент Западного Берлина. Сюда основательно, с семьями стали прибывать многочисленные отряды наших строителей, геологов, нефтяников, началось поступление строительной техники, бурового и иного технологического оборудования, обеспечены регулярные поставки нефти и нефтепродуктов, объем которых превысил 13 млн т в год. Последовала серия открытий нефтяных месторождений в Бока де Джаруко (1969 год), Варадеро и Камариока (1971 год), Санта Мария, Вия Бланка, Чапелин. Объем завезенного оборудования был огромен, масштабы объявленных планов претенциозны. Это был первый год кубинской пятилетки 1986— 1990 годов, планы которой предусматривали довести добычу нефти от 1,2 млн т до 2 млн т в 1990 году и обеспечить капиталоемкий выход на разведку шельфа в прибрежной зоне севера страны. Этому плану не суждено было сбыться, и задуманная с Крымским ЦКБ «Коралл» идея транспортировки через моря и Атлантический океан к кубинскому шельфу усовершенствованной морской платформы так и осталась не реализованной, о чем по телефону в январе 2003 году поведал один из старейших сотрудников ЦКБ, конструктор специальных плавсредств, предназначенных для освоения морских нефтегазовых месторождений Морозов Александр Николаевич. В.А. Динков посетил геологические партии, нефтяников, строителей трубопроводов и продуктопроводов и первой очереди нефтеперегонного завода на юге страны. У него были многочисленные встречи со специалистами, завершившиеся продолжительными беседами с Фиделем и Раулем Кастро. При всей теплоте проявленного к нему внимания и ярких воспоминаниях, оставшихся на всю жизнь, его не покидало состояние тревоги. В первую очередь было ясно, что необеспеченность необходимыми разведанными ресурсами таит серьезную угрозу срыва выхода на объявленный уровень добычи в 1990 году. (Впоследствии выход на двухмиллионный рубеж: был перенесен на 2000 год.) И хотя провозглашенный в 1986 об феврале-марте лозунг «...оказании года интернациональной помощи... Республике Куба... в ускорении эффективности развития повышении общественного производства...» не был снят с повестки дня, становилось все более очевидным, что наша, вконец ослабленная непосильной ношей огромных невосполнимых затрат в стране и за рубежом экономика подобную нагрузку не выдержит. И признанное устами руководителей нашей страны поражение изматывающей гонке за престиж, в самой стране мало кого людей на удивило. Надежды возлагались тщательно подготовленную экономическую реформу. Судьба сотрудничества с Кубой оказалась печальной. В начавшейся в последующие годы мучительной переоценке ценностей, в первую очередь серьезному пересмотру подверглись внешнеэкономические связи со странами социалистического лагеря. В отношениях с Кубой это будет означать, что дорогостоящие, символически восполняемые неэквивалентным бартером усилия по всестороннему научно-техническому и экономическому содействию развития страны должны уступить место взаимовыгодному сотрудничеству, экономической целесообразности и рыночным отношениям. Но произойдет это уже после 1989 гола.

Надолго запомнилась и состоявшаяся в декабре 1986 года командировка в Индию, где Василий Александрович оказался в тесном кругу специалистов ПО «Татнефтегеофизика» во главе с Ю.Н. Блиновым и В.В. Золотухиным, первый выезд которых на профиль намечался на 16 декабря. Подробности этой встречи, пересказанные со слов её участников и любезно предоставленные фазылом Нурисламовичем Мулюковым, одним из старейших строителей-нефтяников, воссоздали картину 16-ти-

В середине 1980-х годов зарубежные маршруты министра газовой промышленности, а затем и министра нефтяной промышленности СССР В.А. Динкова прошли через страны Азии, где наша страна с неравнозначным успехом наращивала усилия по налаживанию и расширению экономического сотрудничества в области создания нефтяной и газовой промышленности — сырьевой базы для национальной топливной промышленности, основы экспорта отраслевой продукции. На снимках торжественное облачение в аэропорту Барода (Индия); член делегации Верховного Совета СССР В.А. Динков в президиуме совещания в Пном-Пнеме (Лаос)

летней давности. Прием, оказанный властями и соотечественниками в г. Патан в день прибытия, 16 декабря был поистине «жарким». Изнуряющая жара в 52 градуса по Цельсию оттеснила картину вчерашней Москвы с её предрождественскими морозами. Увешанный традиционными гирляндами живых цветов, он стойко выдержал на специальном подиуме все испытания неизбежной процедуры торжественной встречи важных гостей в дружественной нам Индии. Его общение со специалистами партии и членами их семей завершилось непосредственным выездом на профиль, где министр в кабине сейсмостанции вместе с геофизиками принял участие в начале операций. И хотя первый взрыв обернулся «комом», он сгладил конфуз, рассказав об описанной в книге своей первой встрече с Алексеем Кирилловичем Кортуновым в далеком 1962 году. Вся последующая деятельность советских геофизиков и нефтяников в стране была успешной. Достаточно напомнить, что извлекаемые запасы нефти в Индии, составлявшие в 1980 году 342 млн т, в 1986 году увеличились до 506, а в 1988 году составили 590 млн т (соответственно 2,5; 3,5; 4,6 млрд баррелей, Международная энциклопедия нефти, США, 1988 год). Добыча же

нефти в стране, неуклонно повышаясь от 9,1 млн т в 1980 году и 31,8 млн т в 1986 году, в 1989 году достигла 35 млн т. И в этом виделась общая результативность внешнеэкономической деятельности Миннефтепрома в Индии.

По сохранившимся воспоминаниям в семье, Василий Александрович нередко возвращался к впечатлениям от встреч с коллективом Татнефтегеофизики в Индии.

Удивительно поэтичны эти геофизики, преданные профессии люди необустроенного в работе жилья и вместе с тем неунывающие романтики. Подтверждение сказанного видится и в поэтических записях одного из них, сотрудника индийской партии Татнефтегеофизики, украсившего стихами рабочую тетрадь после визита В.А. Динкова. И в названии стихов «Мне везет на Вас, люди-боги» и в тексте — глубокая искренность, какая может сопровождать влюбленного в свою профессию и гордого за успехи товарищей по труду специалиста и душевно чистого человека.

«...Эти люди в работе строги, Будни поля — их жизненный класс Мне везет на Вас люди-боги, Счастлив тем, что живу среди Вас...»

Что и говорить, непростое это дело любому руководителю завоевать у таких подчиненных авторитет.

Что же касается результатов деятельности Миннефтепрома в 1986 году, то отрасль подтвердила оптимистичные прогнозы, и в стране было добыто на 18,4 млн т больше предыдущего, а годовая добыча составила 615,1 млн т. От установленного в 1983 году рекордного показателя её отделял лишь 1,2 млн т вожделенной нефти, и министр Динков уверенно вел отрасль к выполнению, казавшегося невыполнимым, плана. Итог же следующего 1987 года иначе, как триумфом Динкова не назовешь. Из недр страны было добыто 625,2 млн т нефти и газоконденсата. Ни до ни после этого мир не знал такого достижения. Доля России при этом составила 569,5 млн т. Но велика была и цена успеха. Восполнение и увеличение извлекаемых геологических запасов откладывались до лучших времен.

Из всех загранкомандировок, а со времени начала работы в газовой промышленности Василий Александрович посетил

два десятка стран, на инженера Динкова самое сильное впечатление произвела осуществленная в 1988 году командировка в США на нефтегазовые объекты Мексиканского залива. Это был центр выдающихся достижений в области техники и технологии разведки и разработки морских нефтегазовых месторождений. Здесь, впервые в мире установленная в 1947 году автономная морская платформа положила начало всему многообразию конструктивных решений различных типов платформ, составивших в конечном итоге многочисленный флот, используемый на мировом шельфе с целью добычи углеводородов. Ему было с чем увиденное сравнивать. В памяти были живы впечатления от совсем недавнего посещения в начале 1980-х годов сооружений морского нефтяного промысла «Нефтяные Камни» и платформ по разведке и добыче нефти на шельфе Каспия. Вспомнился и 1962 год, прерванная возможность командирования в США, где его пытливый ум мог бы увидеть столько интересного для профессионального инженера. Наконец, получив эту возможность, он еще раз убедился в высоком профессионализме своих соотечественников, уступающих, разве что в оснащенности своего напряженного труда всем увиденным и умело компенсировавших разрыв в технической оснащенности все тем же напряжением самоотверженного труда в геофизике, бурении, добыче, и, не в последнюю очередь, в руководстве всем многосложным производством. Вызывали понятные чувства и количественные категории. В 1988 году на американском шельфе в Мексиканском заливе действовало 110 буровых установок и по объяснимым причинам все еще низких мировых цен на нефть (баррель Западно-Техасской смеси на Нью-йоркской товарной бирже в среднем в 1988 году — 15,98 долларов) это было их самое низкое число, начиная с 1980 года (B 1984 году 187. Данные Международной ИΧ было энциклопедии нефти, США, 1991 год). Это было прямым следствием действия рынка. В 1984 году баррель нефти на Нью-йоркской бирже продавался в среднем по 29,34 долларов. Переданные в 1988 году вновь в подчинение Миннефтепро-му работы по освоению континентального шельфа придавали этой командировке, как впрочем и любой другой в жизни В.А. Динкова, важный конкретный смысл. Лишь совсем недавно, в IV квартале 1987 года на крайнем севере Баренцева моря

обнаружены многообещающие запасы нефти и газа, впервые началось разведочное бурение в арктической зоне Карского моря, а в Печорском заливе были подтверждены прогнозы простирания нефтегазовых пластов Тимано-Печорской нефтегазовой провинции в северном направлении. Было ясно, что без современных достижений техники, которыми страна не обладала, выполнить предстоящий объем работ — дело немыслимое. Пребывание Динкова в США имело серьезную цель привлечения в нашу страну высокотехнически оснащенных западных компаний для взаимовыгодного участия в реализации обширной программы разведочных работ, объявленной на успешно проведенной в Москве в 1987 году Международной выставке «Нефть и газ-87». Этому мероприятию министр нефтяной промышленности придавал исключительно важное значение. Дело в том, что это была первая из регулярных специализированных выставок в Москве, проведенная после принятия целой серии законодательных актов и правительственных решений в СССР в 1987 году по беспрецедентной организации и проведению конкурсного выбора иностранного партнера при создании на территории СССР совместных предприятий. И, что особенно важно, она состоялась после отмеченного ранее решения президента Р. Рейгана об ослаблении санкций, действовавших с начала 1981 года на поставку в нашу страну оборудования и приборов для нефтегазовой промышленности. И неудивительно, что крупнейшей на этой выставке была делегация американских деловых кругов, включающая ответственных представителей 59 компаний из США. Важнейшим итогом выставки было заключение протоколов о намерении американских нефтяных компаний создать СП с предприятиями Минефтепрома о совместной разведке и разработке нефтегазовых месторождений на территории нашей страны, включая морской шельф. Визит же в США министра Динкова был проявлением доброй воли сторон по развитию долговременного сотрудничества на новой качественной основе и подтверждением серьезности скрепленных подписями в Москве намерений.

Именно после этой командировки и состоявшихся обсуждений с высшим руководством нефтяных компаний США перспектив взаимовыгодных отношений был дан новый положительный импульс в направлении, столь важного для решения проблем разведки многомиллионнокилометрового российского

шельфа, сотрудничества и последующей добычи нефти и газа на условиях выкристаллизовываемого соглашения о разделе продукции уже в новых условиях реформируемой России.

Впервые за многие годы в отрасли была обеспечена слаженность работы всех основных звеньев нефтедобычи без срывов. Взятый с начала 1987 года темп добычи обеспечил достижение непревзойденного объема добычи.

В один из дней в 1987 году в Министерство нефтяной промышленности СССР с приятной миссией прибыл первый заместитель Председателя Бюро Совета Министров СССР по топливно-энергетическому комплексу Грант Джаванширович Маргулов. Приятность миссии заключалась в том, что он выполнял решение ЦК профсоюза вручить Герою Социалистического Труда, кавалеру трех орденов Ленина, ордена Октябрьской Революции, орденов Отечественной войны и Трудового Красного Знамени нагрудный знак «Почетного нефтяника» за впервые отмеченный, большой личный вклад, — как гласит запись в трудовой книжке, — по развитию нефтяной промышленности, обеспечение устойчивой, стабильной работы предприятий и вывод отрасли на плановые объемы добычи нефти». Это было первое официальное признание успеха по результатам деятельности отрасли в 1986 году и впечатляющего темпа добычи нефти в году текущем.

Все предшествующие награды Василию Александровичу Динкову были присвоены за заслуги в газовой промышленности.

«Мы вместе проработали более 20 лет. Всякое бывало — крутые споры при обсуждении ключевых проблем развития, несовпадения точек зрения по отдельным вопросам, крупные аварии и пожары, но всегда нас объединяло высокое чувство ответственности за порученное дело», — пишет в приводимых воспоминаниях сегодняшний президент Международной топливно-энергетической ассоциации, академик Г.Д. Маргулов.

Академик РАН Анатолий Николаевич Дмитриевский считает неслучайным, что для выведения нефтяной промышленности из очень сложной ситуации выбор пал именно на Динкова. «Нужна была личность талантливая, способная не только безошибочно определить узкие места огромного и многосложного нефтяного производства, но и найти адресные технологии в каждом конкретном случае, личность, уже зарекомендовавшая

Первый заместитель Председателя Бюро Совета Министров СССР по топливно-энергетическому комплексу Грант Джаванширович Маргулов вручает министру нефтяной промышленности СССР Василию Александровичу Динкову нагрудный знак «Почетный нефтяник». Москва, 1987 г.

себя в этом плане и доказавшая способность управления огромным коллективом специалистов», — строит он свои логические построения. «Помню, в эти дни, нередко находясь в здании министерства, я видел как Василий Александрович подолгу засиживался и не удивлялся, когда говорили, что далеко за полночь. От встречи к встрече я наблюдал интенсивное погружение горного инженера-газовика в специфику нефтяного дела, и человек, проработавший 30 лет в газовой промышленности за несколько месяцев безошибочно точно обозначил ключевые проблемы развития отрасли, что позволило вывести добычу нефти в стране в 1987 и 1988 годы на уровень в

624 млн т. Эта цифра войдет в историю мировой нефтяной промышленности абсолютным рекордом. Ни одна страна не добывала столько нефти ни до ни после этого.

Выглядит фантастически неправдоподобным, но Динков досконально знал о состоянии каждого промысла. Он был безошибочен в руководстве Мингазпромом и столь же безошибочным в выборе и осуществлении тактических приемов и стратегии развития нефтяной промышленности», — закончил свои воспоминания А.Н. Дмитриевский.

Посещение В.А. Динковым в 1986 году предприятий нефтяной промышленности столь близкого ему Краснодарского края было вызвано конкретной производственной необходимостью. Дело в том, что нефтяники Кубани одними из первых в стране начали изучать и внедрять термические методы добычи нефти. Здесь с 1966 года на месторождении Павлова Гора впервые в целях доразработки залежи были проведены работы по использованию способа внутрипластового горения. Эти достижения дополняли еще более ранний производственный опыт коммерческой добычи нефти шахтным способом в Яреге и содействовали успеху добычи в Харьяге, Хатанге, Охе и др. нагнетанием пара в пласт. Так, что механизм действия этих технологий был давно известен нашим ученым и производственникам на Кубани. В 1981 году все накопленные в стране сведения и опыт тепловых методов разработки нефтяных и газовых месторождений были изложены в одноименной книге Николая Константиновича Байбакова и доктора технических наук Александра Рубеновича Гарушева.

Вспоминается, как в 1974 году в Мингазпроме вызвало переполох письмо расположенной в Техасе американской электроэнергетической компании «Тексаз Ютилитиз» с просьбой ознакомить её специалистов с «очевидно используемой в СССР технологией подземной газификации угля». Интерес американцев объяснялся внезапным взлетом цен на нефть в 1973 году и четко выраженной тенденцией их дальнейшего повышения, что вынуждало искать рентабельное альтернативное топливо и технологии. Деловые американцы обнаружили сведения о том, что еще в 1888 году Д.И. Менделеев предрекал подземную газификацию угля и использование в энергетических целях получаемого горючего газа. Им, американцам было известно, что в нашей стране в 1920-х годах эта идея нашла практическое

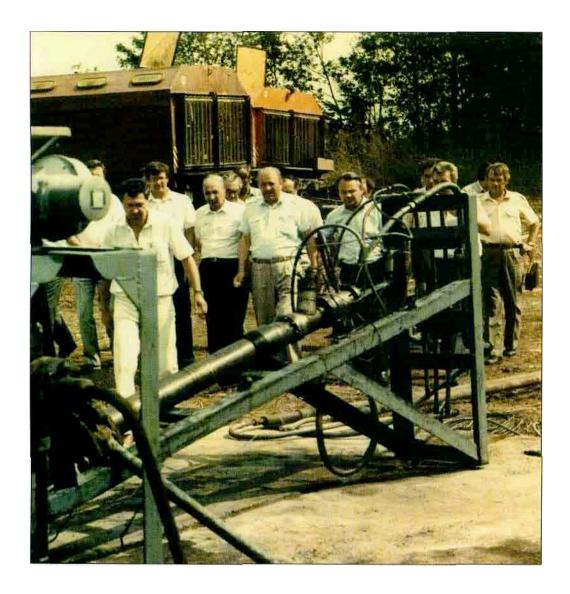

Посещение министром нефтяной промышленности В.А. Динковым объектов Краснодарского научно-производственного объединения «Терм-нефть».

На снимках генеральный директор НПО «Термнефты» А. Р. Гарушев дает пояснения министру. Краснодар, лето 1986 г.

применение в конкретных мерах и что они хотели бы ознакомиться с этим опытом на местах его использования. По их расчетам, полученный газ в условиях высоких цен на углеводороды должен был быть рентабельным.

А завершалось письмо выраженной готовностью провести с нашей страной коммерческие переговоры. Соответствующее поручение замминистра В.А. Динкова после его встречи с авторами письма в Москве не заставило себя ждать, и в конечном итоге после ознакомления американцев на Ангренской ТЭЦ

под Ташкентом и в Кузбасском Киселевске с этой технологией и проведенных Василием Александровичем переговоров дело завершилось покупкой американцами лицензии на использование отечественного ноу-хау. Случай беспрецедентный в советско-американских отношениях. Если обычно считающие свои деньги американцы сочли выгодной покупку ноу-хау на подземную газификацию угля, необходимо выявить все отечественные ресурсы теплового воздействия и на нефтяной пласт, и, особенно, на пласт с высоковязкой нефтью и битумами, неф-

теотдача которого стала предметом особого внимания министра нефтяной промышленности В.А. Динкова, что и привело его в 1986 году в Краснодар. А телефонный разговор 16 лет спустя с генеральным директором Краснодарского НПО «Термнефть»

и давнишним институтским приятелем А.Р. Гарушевым (примечание М.Г.) напомнил о переданных в свое время Термнеф-ти материалах переговоров с американцами и прояснил мотивы визита Василия Александровича на объекты Термнефти. Здесь он подробнейшим образом интересовался эффективностью использования разработанных технологий, и последующие решения министра стали важным импульсом в поддержании усилий расширению производства соответствующих технических средств, включая передвижные паропроизводя-щие установки повышенной производительности на предприятиях Минхиммаша, И организации распространения технологий на тщательно подобранные месторождения, из которых к территории России относятся месторождения в Западной Сибири, Татарии, Пермской области, Коми АССР, на о. Сахалин, в Майкопском и других районах.

Высоковязкая нефть, битумы, нефтенасыщенные и битуминозные песчаники, кстати, очень богатые титаном, всем этим

многообразием нефтяного и сопутствующего богатства в пласте, ожидающем разработку либо доразработку, Россия владеет в фантастических объемах. По американским оценкам 1986 года (журнал «Ойл энд Газ Джорнэл» от 20 января 1986 года, статья «Советы стремятся увеличить добычу высоковязких нефтей») они десяти— сорокакратно превышают объемы ими же оцененных российских извлекаемых запасов традиционной нефти и составляют порядка 70 — 270 млрд т. Картина была бы неполной, если не знать, что наша страна владеет (во всяком случае владела) всеми видами температурного воз-

действия на вытеснение указанной нефти и, по меньшей мере, имеет серьезную экспериментальную базу и опытный персонал, специализирующийся в этой области. Весь вопрос упирается в экономику и совершенство технологии. Как утверждают технические специалисты, окончательное решение вопроса усложняется, если скважина находится в условиях вечной либо «погребенной» мерзлоты, а таковых в России больше половины. Огромные объемы нагнетаемого в пласт трудноизолируемого искусственно подогретого теплоносителя по пути к пласту растопляют вечномерзлотную толщу, лишая многотонные элементы конструкции скважины площади опоры. Эффект сродни тому, с которым почти 20 лет назад начальник Главгаздобы-чи В.А. Динков встретился при освоении Мессояхи и сооружении норильского газопровода. Разве, ЧТО теплоноситель природным, а направление потока прямо противоположное. В свою очередь экономисты рыночной экономики (США) склонялись к оценке процесса, рентабельным лишь при мировых

ценах барреля нефти, не ниже 35 долларов, а его стоимости порядка 10 долларов. И хотя расчет рентабельности у нас осуществлялся при значительно меньших издержках на труд, камень преткновения для Динкова был именно в этом, так как в 1986 году в 10 долларов укладывалась не стоимость, но мировая цена барреля. Стоимость же российского барреля, полученного шахтным методом, по официальному свидетельству в докладе на XI Всемирном нефтяном конгрессе в Лондоне в 1983 году 12 - 15понимая составляла долларов. Но неизбежность обращения в известных экономических условиях к этому «альтернативному» ресурсу, Василий Александрович всем своим авторитетом воздействовал на создание и организацию производства заводами Минхиммаша более мощных парогенераторов. (Хотелось бы верить, что в сегодняшних условиях рыночной России и в благоприятной для нефтяников экономической конъюнктуре, пусть и 20 лет спустя, эта проблема столь же серьезно и ответственно занимает умы, как стало модно говорить «топ менеджмента» наших вертикально интегрированных нефтяных компаний.)

В условиях неутешительного состояния ресурсной нефтедобычи, когда доля малоэффективных запасов в общем балансе к началу 1986 года составила почти 50 % и средняя обводненность по отрасли стремительно приближалась к 3/4 добываемой нефти, министр В.А. Динков уделял серьезное внимание проблеме получения и использования альтернативного топливного ресурса. Подтверждением этому может служить и его отношение к проблеме так называемой «искусственной нефти». С начала 1980-х годов она была включена в планы ГКНТ СССР, в соответствии с которыми было организовано научно-техническое сотрудничество заинтересованных министерств с итальянской компанией «Снампрожетти». Но реализация разработанной совместно с ВНИИгидротрубопроводом в 1983—1985 годах технологии изготовления на базе кузбасских углей и транспортирования высококонцентрированной водоугольной суспензии (искусственной нефти) для использования в котлоагрегатах новосибирской теплоэлектроцентрали задерживалась на неопределенные сроки. Следует подчеркнуть, что решение этой проблемы четко корреспондировалось с идеями указанного ранее доклада Василия Александровича в 1981 году в Лозанне на Всемирном газовом конгрессе, в те годы миристра газовой промышленности, о разработке экологически чистых угольных технологий на электростанциях. По этой же причине им был затребован в ГКНТ отчет об ознакомлении наших специалистов в 1982 году с достижениями бразильской национальной нефтяной компании «Петробраз» в получении стойкой водоугольной суспензии на базе бразильских сланцев. (Из нее получался «бензин», который в смеси со спиртом из тростникового сахара в пропорции 70 на 30 широко использовался в стране автомобилистами в качестве моторного топлива «алкофьюал», и это было логическим развитием изобретения немецких химиков, отмеченного Нобелевской премией в начале 1930-х годов, по получению моторного топлива из рурских углей.)

Став министром нефтяной промышленности, В.А. Динков решительно подключился к завершению затянувшейся стройки, и в 1989 году 260-километровый экспериментально-коммерческий пульпопровод диаметром 16—20 дюймов и пропускной способностью 4,3 млн т в год по маршруту Белово — Новосибирск начал поставки на Новосибирскую ТЭЦ водоугольной смеси, на 2/3 состоящей из размолотого угля. Заменившая дефицитный мазут смесь без дополнительной обработки поступала непосредственно в топку. Этот плод труда многих коллективов, специалистов и руководителей — вне сомнения, прорывная технология, которая по праву претендует на развитие в наступившем XXI веке.

Следует отметить, что эти проблемы интересовали и продолжают интересовать промышленность не только в нашей стране. При всей энергичности энтузиастов, наши, более чем скромно финансируемые усилия не шли ни в какое сравнение с введенной в действие в 1986 году Конгрессом США массированной программой освоения технологии получения и использования экологически чистого угля, включающей 35 проектов общей стоимостью более 5 млрд долларов.

Во всяком случае пионеры этой идеи в нашей стране видели в перспективе сооружение 2400-километрового пульпопровода из Кузнецка для уральских электростанций мощностью 25 млн т угля в год и, нги^ли -ц, прокладку 56-дюймового трубопровода мощностью 100 млн т угля в год по маршруту Куз-нецк — московский регион. Задача по плечу целеустремленным талантливым руководителям промышленности, которыми

так была богата страна в 1960—1980-е годы и, вне сомнения, обладает реформируемая Россия XXI века. Здесь нужны масштабно мыслящие, видящие перспективу и умеющие считать, самостоятельные и энергичные представители финансово-промышленных групп. Это позволило бы избежать вереницы неудач в судьбе первого пульпопровода Белово — Новосибирск, время пуска которого совпало с пиком политических событий в стране.

Успех нефтяников в 1986— 1987-х годах стал возможным и благодаря использованию всесторонне продуманных решений в восстановлении множества простаивающих скважин и в наращивании фонда эксплуатационных скважин новых месторождений, на разведку которых при всей, становящейся традиционной нехватке средств Динков на пределе возможности все же умудрялся их изыскивать. Успеху добычи содействовали и результаты экспериментально-производственного использования новейших (иногда они были и чрезвычайными) отечественных технологий. Американские журналы «Ойл энд Газ Джорнэл» 1987—1989 годов свидетельствуют об использовании для увеличения нефтеотдачи пласта в СССР и ядерных взрывов мощностью до 20 кт. В них сообщалось о пяти в высшей степени эффективных взрывах указанной мощности в апреле, июле и августе 1987 года, в том числе о двух на месторождениях объединения «Пермнефть» и трех в западной Якутии. (Эти сведения были подтверждены в совершенно неожиданной ситуации в 2002 году, когда, работая над книгой и делясь впечатлениями о добытой в американских журналах минувших лет интересной информации, я в буквальном смысле был подведен к своему коллеге по работе в созданной усилиями Василия Александровича Динкова компании «СЖС-Энергодиагностика», многоопытному ветерану нефтяной промышленности и очень скромному человеку, который, как выяснилось, имел самое непосредственное отношение к описанным событиям в Пермской области. Он был их участником. Рассказать желанные подробности он отказался. «Давал подписку». Что и говорить, дисциплина.)

Очевидные успехи нефтяников втягивали Миннефтепром СССР во все более широкую орбиту международных связей. После ослабления американцами в 1987 году режима ограничений на ввоз в нашу страну нефтепромыслового оборудования

Обсуждение у Председателя Совета Министров СССР Н.И. Рыжкова предложения американского предпринимателя, президента АО «Оксиден-тал Петролеум Корп.» доктора А. Хаммера по созданию на базе Тенгиз-ского нефтяного месторождения многостороннего совместного нефтехимического предприятия. На снимке, первый справа В. А. Динков

и технологий для нужд нефтяной, газовой и химической промышленности, всё более заметную роль стали играть отношения с США. Этому в значительной степени способствовали принятые в январе 1987 года решения правительства о развитии экономического сотрудничества с капиталистическими странами с созданием совместных предприятий и не заставившие себя ждать инициативы известного в нашей стране американского предпринимателя Арманда Хаммера.

В год, когда 32-летний главный инженер газового управления В. Динков трудился в объединении «Краснодарнефть», без малого 60-летний А. Хаммер не имел ни малейшего представления о нефтяном бизнесе. Однако ему сопутствовала удача и, став обладателем полуразоренной фирмы «Оксидентал Петролеум Корп.», он сделал первое свое нефтяное открытие в Ка-

Подписание полномочными представителями сторон в Миннефтепроме СССР Протокола о намерениях по созданию многостороннего совместного Тенгизского нефтехимического предприятия. На снимке слева направо: председатель АО -«Монтэдисони- доктор Р. Гар-дини, председатель АО -«Оксидентал Петролеум Корп.^> доктор А. Хам-мер, министр нефтяной промышленности СССР В. А. Динков, председатель АО ^Энишем^ доктор Л. Неччи, председатель «Марубени Корп.» господин К. Харуна. Москва, 16 марта 1988 г.

лифорнии. Ловкий предприниматель, обладающий развитой интуицией, он превратил «Оксидентал Петролеум Корп.» в одну из крупнейших транснациональных нефтехимических корпораций, чему главным образом сопутствовало открытие нефтяных месторождений в Ливии.

Весной 1988 года неутомимый 90-летний А. Хаммер вновь принят Кремлем и его, поддержанная М.С. Горбачевым идея создания современного нефтехимического комплекса на базе Тенгизского нефтяного месторождения, получила подтвержден-

ние подписанием многостороннего Протокола о намерениях. Именно в Кремле на переговорах по этому вопросу произошло первое личное знакомство министра нефтяной промышленности В.А. Динкова с А. Хаммером.

О некоторых подробностях переговоров с компанией «Монтекатини Эдисон», вовлеченной Хаммером в организованный консорциум, мне поведал участник переговоров

Рукопожатие после подписания Протокола о намерениях по созданию многостороннего совместного предприятия. Москва, 16 марта 1988 г.

старейший ученый, нефтяник, доктор экономических наук Петр **Самуилович Сапожников.** «Изначально, — подчеркнул мой собеседник, — даже при всей заинтересованности Консорциума в подписании вожделенного контракта, представители его научнотехнического персонала в отношениях с нами, советскими коллегами порой проявляли трудно скрываемое высокомерие. В этой связи запомнился эпизод, когда, не удовлетворившись услышанным ответом на обращение к научному консультанту ТЭО. «Оксидентала» подготавливаемому Василий ПО Александрович обратился за дополнительными подробностями. Удивленный настырностью министра, которого всем иностранным понятиям большие подробности интересовать не могли он с подчеркнутой любезностью дал, как ему казалось, исчерпывающие пояснения. В ^вою очередь нас, знакомых с,

как мы его называли, «итальянским синдромом» «инженьере Динков», удивила искренность его удивления, когда в ответ на дополнительную информацию он услышал контраргументы, изложенные по пунктам... Мне было поручено В.А. Динковым при согласовании окончательного текста ТЭО в Милане перед его подписанием в Москве, — продолжал П. С. Сапожников, обратить внимание на четкое изложение заинтересовавших его пунктов. Каково же было удивление, когда по возвращении в Москву мы не обнаружили в полученном для подписания тексте множество согласованных и заверенных мною позиций ТЭО. Надо было видеть возмущение Василия Александровича... А принял он их лишь после официального признания допущенной «недоработки». По всей видимости, эта инициатива подтолкнула руководство страны к новому этапу комплексного подхода в освоении углеводородных богатств Западной Сибири. Во всяком случае четко прослеживается, что именно в этом направлении работавшая конструктивная мысль министра нефтяной промышленности стала получать желанную поддержку. Ничем другим не объяснить, что буквально через два месяца, в мае 1988 года в Тюменскую область прибыла большая группа правительственных чиновников во главе с Председателем СМ СССР Н.И. Рыжковым. В своей книге «Трассы жизни» бывший министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности Владимир Григорьевич Чирсков очень подробно описывает это событие и думается, что читателю было бы интересно его вновь освежить в памяти.

Как метко заметил В. Г. Чирсков, это было запоздалое предложение наладить в нефтедобывающих регионах не только простейшую переработку сырья, но на его основе и химическое производство. «Я, — продолжает автор книги, — вместе с другими руководителями смежных отраслей сопровождал Н.И. Рыжкова в поездке по Тюменской области. В Сургуте смотрели, как сооружаются заводы по переработке конденсата и получению моторных топлив. Побывали на площадке, где предполагалось возвести нефтехимический комплекс. (Следует отметить, что лейтмотивом высказанных планов была, ставшая усилиями нового министра устойчивой, работа нефтяной промышленности. (М.Г.) На совещании в Нижневартовске этот мотив прозвучал весьма определенно. Сказав ободряющие слова о том, что Тюменский регион — основной поставщик нефти,

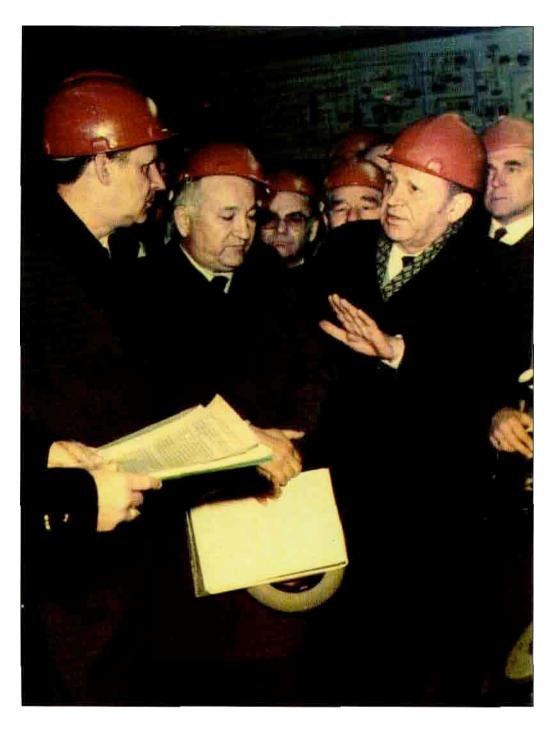

Взаимные заявления министра В. А. Динкова и доктора А. Хаммера. Москва, 16 марта 1988 г.

что без нас страна не могла бы развиваться, — продолжает В.Г. Чирсков, — мол, где надо, правительство обязательно поможет, Рыжков заявил, как о решенном: «Наступил новый период для Тюмени — сырье перерабатывать на месте, необходимо создавать здесь химические предприятия. Это надо объяснить народу». Ну, а на заключающем рабочую поездку Рыжкова в Тюмень партхозактиве многих моих коллег перестали мучить сомнения. Коль скоро предсовмина полон оптимизма, временные трудности и впрямь останутся позади, дела в стране пойдут в гору и «не в последнюю очередь» с помощью Тюменского региона. Увы, эта поездка Н.И. Рыжкова в Западную Сибирь не имела ровным счетом никаких последствий. Прог-

Знакомство Председателя Совета Министров СССР Н.И. Рыжкова с ходом строительства объектов нефтяной промышленности в Тюменской области. Сургут, 1988 г.

нозируемый спад в развитии топливных отраслей, все признаки которого были совершенно очевидны для посвященных, уже нельзя было остановить ни посулами, ни судорожными попытками открыть у Тюменского региона «второе дыхание». В конце 1988 года на имя Николая Ивановича Рыжкова за подписью трех союзных министров Динкова, Черномырдина и Чир-скова была направлена тревожная телеграмма с изложением угрозы срыва плана подрядных работ на следующий 1989 год в связи с необоснованным уменьшением лимитов на поставку оборудования и материалов по важнейшим плановым позициям. Указывалось на неизбежность срыва заданий социальной программы и планов ввода объектов на месторождениях в Тюменской области и Прикаспийской нефтегазовой провинции. Подчеркивалась неизбежность, при этом, уменьшения объемов

добычи нефт^{$^{^{7}}$}! $m^{^{^{^{^{5}}}}}$. " "ОРР п в пш- $^{^{^{^{5}}}}$ едующие годы.... Одна ко, — с горечью пишет Чирсков, — это обращение оказалось не более чем гласом вопиющего в пустыне.»

Многие видели страну, входящей в крутой штопор, и прозвучавший в июньскую ночь 1989 года на железнодорожном перегоне в Башкирии страшный взрыв нефтепродуктопровода казалось разметал остатки веры в сохранение некогда могучего нефтедобывающего комплекса страны.

ВЗРЫВ. Его мощность по оценке специалистов составила 20 мегатонн (газета «Московский комсомолец», 3 июня 2002 года) — половина мощности атомной бомбы, сброшенной американцами на Хиросиму. «Атомный» взрыв от прохудившегося продуктопровода в эпицентре России в одну из первых летних ночей, 3 июня 1989 года, и в эпицентре взрыва — два переполненных неразминувшихся скорых пассажирских поезда. В ту ночь на 1710-м километре железнодорожного Челябинского маршрута поездов Адлер — Новосибирск и Новосибирск — Адлер под Уфой смерть пожала страшную обугленную жатву, 575 погибших и 623 раненных.

На объекте Миннефтепрома произошла самая крупная за всю историю железнодорожная катастрофа.

По трубопроводу из тюменского Усть-Балыка на Тобольский и далее на Нижнекамский нефтехимические комбинаты перекачивался сжиженный нефтяной газ — широкая фракция легких углеводородов (ШФЛУ). Ценное углеводородное сырье в силу сотен причин не первый год и не первое десятилетие не находило полноценного стабильного использования на месте своей добычи.

По американским подсчетам приблизительно четверть его общего объема, около 20 млрд м³ нефтяного газа в год, круглосуточно сжигалась в факелах, ставших неизменной частью нефтепромыслового пейзажа.

Взрыв лишил отрасль основного трубопровода по доставке западно-сибирского нефтяного газа на предприятия европейской части России. Обещанные же годом раньше правительством планы широкомасштабного сооружения в Западной Сибири нефтехимических комплексов с безотходной технологией остались лишь разговорами..., очевидно на всю оставшуюся жизнь.

На этом страшном пепелище министр В.А. Динков поста-

рел на десятки лет. Пребывание среди груды покореженного металла и окровавленной земли лишь усилило ответственность за безошибочно четкую оценку общей ситуации в отраслевой трубопроводной инфраструктуре и требовало незамедлительного принятия необходимых мер. Лишь слабым утешением, если о нем можно было думать, была работа памяти, настойчиво напоминавшей о дотошности, с которой в далекие 1950-е годы, лишь приступив к исполнению инженерных обязанностей в Краснодарском крае после окончания института, он добивался неукоснительного выполнения требований к надежности сварочных швов в предложенном проекте промыслового сбора нефтяного газа. Вспоминались и споры с работниками Минвнешторга, предлагавшими ему, уже ответственному руководителю Мингазпрома с широкими внешнеторговыми полномочиями, принять предложение конкурентов по закупке относительно дешевых труб и компрессоров для магистральных газопроводов... Нет, нет и нет... Он слишком отчетливо представлял себе и более чем популярно объяснял оппонентам все возможные последствия от принятия непродуманных решений и подобной экономии. В моей (М.Г.) памяти свежи впечатления от крупного события в научной жизни специалистов трубопроводного транспорта в 1985 году, когда по личной инициативе В.А. Динкова и группы академических ученых, ГКНТ СССР организовал проведение Международного симпозиума по проблемам диагностики трубопроводов. Это было одно из самых значительных мероприятий в московском Центре международной торговли. В работе симпозиума «Диагностика трубопроводов-85» приняло участие около 500 специалистов из 19 стран. Более чем кто либо понимавший важность надежности работы трубопроводов, чему неослабное внимание уделялось им руководстве промышленностью, газовой Василий Александрович специальным распоряжением обязал группу специалистов Миннефтепрома принять непосредственное участие в работе симпозиума с последующими далеко идущими планами использования передовых достижений диагностической науки в практических делах. Но реализация принятых планов требовала дополнительных средств, которых, как правило, не хватало.

Вновь и вновь вспоминались широковещательные планы высшего руководства страны, заявленные в мае 1988 года о

твердости давно запоздалых намерений развернуть на месте добычи нефти в Тюменской области строительство мощных нефтехимических комплексов. Конечно же, это могло означать отказ от беспрецедентной дорогостоящей и опасной перекачки сжиженного нефтяного газа за сотни километров по неприспособленному для этого трубопроводу. Однако, тяжелое это дело, нести ответственность за недосмотр твоих предшественников, семеро из которых были привлечены к суду, рассуждая при этом: «Что бы было, если...». К тому же жизнь не терпит сослагательного наклонения, а реальная картина страшных последствий годами накопившихся огрехов вновь и вновь возвращала в тяжелую действительность. А она, при всех совершенно очевидных и достойно отмеченных рекордных достижениях в добыче нефти в 1987 и 1988 годах, внушала обоснованную тревогу. Основные фонды огромного взрывоопасного хозяйства требовали систематизированного ухода и значительного обновления. Взрыв продуктопровода тому подтверждение. Об этом же напоминал и вспыхнувший 26 мая на морской эксплуатационной платформе каспийского месторождения «28 апреля» и всё еще незатушенный пожар. В Баку направлен замминистра Л.И. Филимонов.

Что и говорить, чрезвычайные происшествия случались и в газовой промышленности, однако, там в этом отношении было надежней. Там всё возводилось, в буквальном смысле, при личном участии.

И, собрав волю в кулак, инженер-министр мысленно набросал четкий план конкретных действий по предотвращению подобных катастроф. Жизнь и глубокие знания научили его в критических ситуациях выходить на безошибочно верные инженерно-организационные решения.

В стране должен быть создан центр по осуществлению надзора за промышленной безопасностью объектов нефтегазового комплекса на суше и море. Центр высококомпетентной экспертной оценки безопасности всех элементов инженерных сооружений от устья скважины до потребителя, включая трубопроводы, нефтеперегонные, газоперерабатывающие предприятия, заводы по сжижению природного и нефтяного газа, базы хранения, терминалы по загрузке и разгрузке углеводородной продукции и соответствующие морские, железнодорожные и автотранспортные средства по их перевозке. Надзор и

контроль имелись в виду на всех этапах проектирования, сооружения и эксплуатации указанных объектов.

В своих планах В.А. Динков шел ещё дальше в направлении предотвращения экологических техногенных и антропогенных катастроф в топливно-энергетическом комплексе страны и на транзитных коммуникациях в странах СНГ, обеспечивающих экспорт российской нефти и природного газа. Предполагаемые функции центра включали и их количественный и качественный волюметрический контроль на экспортных терминалах и перевалочных базах. В совокупности эти меры выводили на выработку центром транснационального статуса безопасности и технической надежности предприятий ТЭКа с учетом накопленного международного опыта. В конечном итоге, надежно работающая инфраструктура ТЭКа — это важнейший фактор обеспечения энергетической безопасности России, чему по сути и была посвящена вся жизнь и без чего немыслима реализация провозглашенных реформ. Работа воистину динковского масштаба, и она отражала озабоченность Василия Александровича сложившимся состоянием этих дел в ТЭКе и экономике страны и его неукротимую решимость в новых условиях содействовать их успеху.

Центр должен состоять из специалистов высочайшей квалификации (на примете такие специалисты уже имеются), иметь неограниченные возможности привлечения к сотрудничеству высококлассных инженеров и ученых, быть сертифицированным в соответствии с международными требованиями. Наконец, центр должен быть высокоответственной, независимой внебюджетной организацией.

Последующие годы лишь подтвердили всю серьезность, с которой Василий Александрович Динков отнесся к реализации этой идеи. И реализовывал её уже не министр, но инженер Динков, непоколебленная репутация которого стала залогом успеха в столь многотрудном деле. За плечами 35-летний труд на важнейшем народнохозяйственном и государственном газонефтяном поприще от старшего инженера механика газокомпрессорного управления «Абиннефть» в Краснодарском крае до министра газовой промышленности и, в признание руководящего таланта, успешное руководство нефтяной промышленностью страны — сам по себе беспрецедентный в истории факт. Он по праву мог гордиться плодами своего труда в жиз-

нестойкости государства, большими и малыми свершениями г;елой плеяды специалистов и организаторов газонефтяного производства, воспитанных его личным примером, оказывая неоценимое воздействие на формирование и становление у подчиненных масштабного мышления, руководящих навыков и углубление инженерных знаний. Высказанные же поэтическим слогом НА. Савостьянова чувства его коллег нефтяников в день памятного прощания в конференц-зале Миннефтепрома были выражением и признательности, и глубокого чувства уважения коллектива к руководителю, и искреннего товарищества, которых удостаивается не каждый уходящий руководитель:

В своих решениях мудрец, Всегда разумный, честный, смелый Вы, как товарищ и отец...

Жизнь воистину прожита не даром, когда ко времени седьмого десятка лет тебя награждают столь восторженным поэтическим откровением. Но ... не расхолаживаться! Впереди новое, хоть и тщательно продуманное в деталях, но всё же новое дело, с новыми партнерами и в новых экономических условиях России последнего десятилетия ХХ-го века. Благо, организационному решению способствовала осуществляемая стране экономическая реформа. И первым шагом в этом направлении было создание в 1990 году совместного российско-швейцарского предприятия «СЖС-Энергодиагностика», которому жизнь предопределила интересное будущее, а подкрепленная новыми проектами безупречно организованная инженерная деятельность в этой высокотехнологичной и конкурентной сфере обеспечила его серьезное признание в России и за рубежом.

Заседание коллегии Министерства нефтяной промышленности СССР. Москва, Миннефтепром, 1985 г.

В.А. Динков и В.Ю. Филановский проводят совещание в Миннефтепроме по подготовке к посещению объектов нефтяной промышленности в Тюменской области высшим руководством страны. Миннефтепром, весна 1985 г.

Секретарь ЦК КПСС В.И. Долгих и министр нефтяной промышленности СССР В. А. Динков на буровой установке у нефтяников Тюменской области. 1985 г.

Бесда министра В. А. Динкова с начальником ПО «Сургутнефтегаз» В.Л.Богдановым, Москва, Миннефтепром, 1986 г.

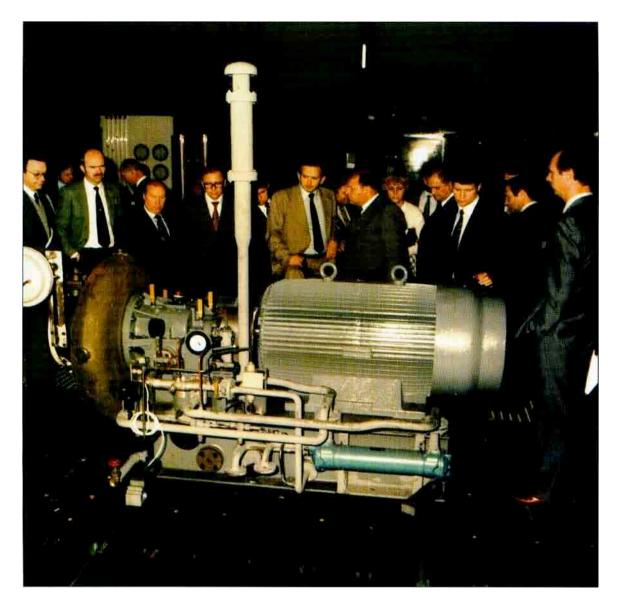

Министр нефтяной промышленности В. А. Динков на нефтяном месторождении Мангышлака. Мангышлак, лето 1986 г.

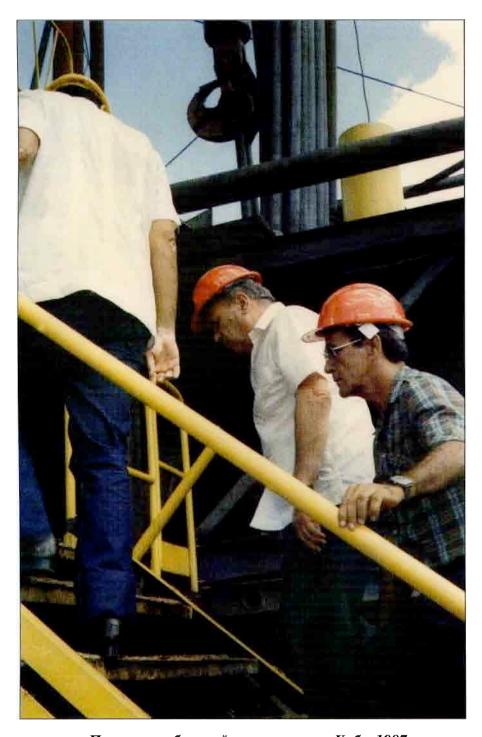
Председатель Совета Министров СССР Н.И. Рыжков на одном из объектов Тенгизского нефтяного месторождения. На снимке слева направо: Н.К. Байбаков, Н.А. Назарбаев, Н.И. Рыжков, В. А. Динков и др. Тенгиз, зима 1986 г.

Ознакомление министра В.А. Динкова и замминистра В.Ю. Филановско-го с зарубежной насосной техникой на Международной выставке -«Нефть и газ- 88^{Λ} - в Москве

Встречи с главой кубинского правительства Фиделем Кастро оставили у Василия Александровича незабываемые впечатления. Куба, 1987 г.

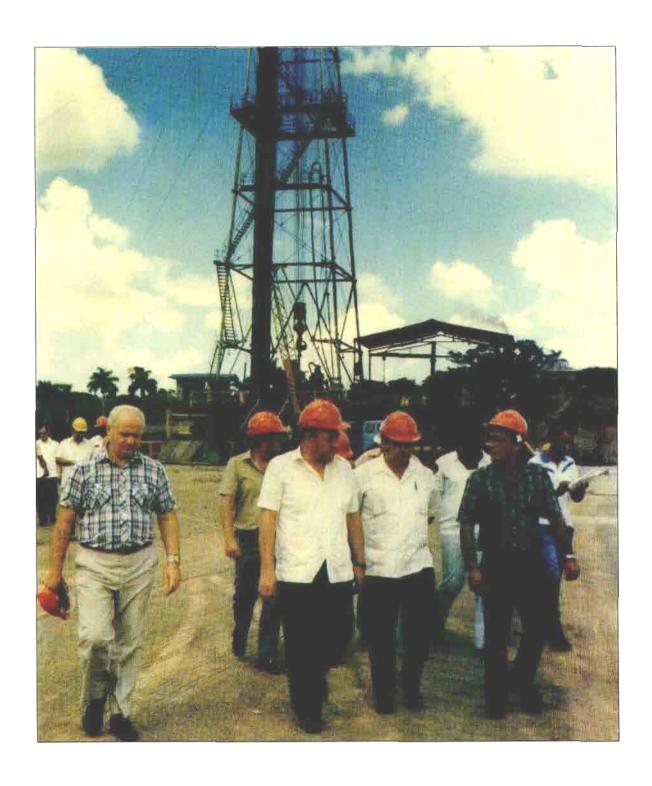

Посещение буровой установки на Кубе. 1987 г.

Встречи министра нефтяной промышленности СССР В. А. Динкова, Б.Е. Щербины и др. с советскими буровиками, осуществляющими разведочные работы за рубежом в соответствии с межправительственными соглашениями. На снимках посещение буровых бригад

Руководитель советской делегации В. А. Динков в дни работы Всемирного нефтяного конгресса

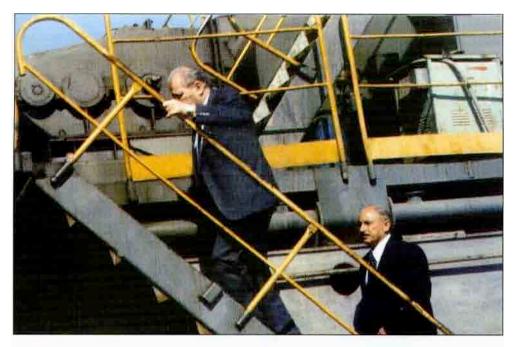

Торжественное заседание работников нефтяной и газовой промышленности страны. На трибуне министр нефтяной промышленности СССР В. А. Динков. Москва, 1987 г,

Подписание соглашения с Ираком на проведение работ по разработке нефтяных месторождений на юге страны в районе Басры. Москва, Миннефтепром, 1985 г.

Пребывание в Ираке министра нефтяной промышленности СССР В.А. Динкова и заместителя министра Ш.С. Донгаряна, 1988 г.

Посещение буровой установки и нефтепромысловых объектов на юге Ирака, 1988 г

Пребывание министра нефтяной промышленности В.А. Динкова в Кувейте.

На снимках руководитель делегации и сопровождающие советские специалисты на встречах с членами семьи правящего эмира Эль-Сабаха и на выставке бурового оборудования в Эль-Кувейте. Эль-Кувейт, 1988 г.

Нефтяники - делегаты XXVII съезда КПСС на встрече в Министерстве нефтяной промышленности. Москва, 1986 г.